Утро новой эры

Автор:
Алексей Доронин

Утро новой эры

Алексей Алексеевич Доронин

Черный день #3

Продолжение культовой саги «Черный день».

Люди веками сочиняли сказки про ад, пугали друг друга преисподней, боялись угодить туда после смерти. Однако ад пришел к ним сам. Вернее, люди создали его на Земле своими руками. Буквально за несколько часов. И не было никаких всадников Апокалипсиса, с их ролью прекрасно справились крылатые ракеты и аэрокосмическое оружие.

Вместо кипящих котлов со смолой – ядерная зима, вместо железных крючьев и раскаленных сковород – пытки голодом и холодом, а место чертей заняли сами люди, истребляющие друг друга за банку консервов и горсть патронов.

Однако и в преисподней, оказалось, можно выживать. Что было, не исправишь, надо начинать все заново. Ад не может длиться бесконечно, человечество стремится возродиться, начать все сначала, с чистого листа. И каждому человеку предстоит найти свое место в новой жизни.

И начала свой отсчет новая эра. Идет первый год первого века, считая от Черного Дня.

Александр Доронин

Утро новой эры

Одиноко незрячее солнце смотрело на страны,

Где безумье и ужас от века застыли на всем,

Где гора в отдаленье казалась взъерошенным псом,

Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Были сумерки мира.

Но на небе внезапно качнулась широкая тень,

И кометы, что мчались, как волки, свирепы и грубы,

И сшибались друг с другом, оскалив железные зубы,

Закружились, встревоженным воем приветствуя день.

Николай Гумилев

Интермедия 1. Панорама

Когда Эбрахаму Сильвербергу доложили о находке, он был в бешенстве. Но длился приступ иступленной ярости не больше пяти минут. Его психика давно стала инертной, и эмоции не держались долго; это же он замечал в последнее время за другими. К тому времени, когда нарушителя привели к нему, ярость капитана сменилась обычной апатией, а про желание первым делом тряхнуть недоумка как тряпичную куклу он и вовсе забыл.

Жалкий идиот. Естественно, этот Брешковиц не мог предполагать, что все, что он вытворял наедине, не оставалось тайной для командования, и что священное privacy на борту грубо нарушалось. Никто из экипажа, кроме капитана и старшего помощника, не знал, что во время переоборудования в Испании в

каждой каюте была установлена скрытая камера. Изображение с них не отслеживалось в режиме реального времени (хотя для профилактики самоубийств и это первоначально делалось). Но при возникновении подозрений можно было просмотреть запись за любой из последних дней. А подозрения возникли.

Взять хотя бы остекленевший взгляд, с которым калифорниец часто приходил на мостик. Или тот случай, когда он ночью разговаривал сам с собой, будто беседовал с кем-то по телефону. Половину свободного от вахт времени он проводил в комнате отдыха, где смотрел старые комедии – с убранным до минимума звуком. Смеялся до слез, глядя на безмолвные выкрутасы Джима Кэрри или Майка Маерса, один в пустом зале.

Кого же этот долбанный Центр Национального Спасения прислал?

– Как это понимать? – только и спросил капитан, когда Роберта привели к нему в каюту. Джон Ковальски, старший помощник, выполнявший на борту функции блюстителя закона – дюжий поляк – встал за спиной нарушителя режима, хотя вряд ли в том была необходимость. Вид у пойманного с поличным был спокойный, глаза не бегали. Он, казалось, ожидал этого со дня на день и давно смирился со своей судьбой. Капитан не думал, что тот способен схватить со стола ножницы и всадить ему в грудь.

Он потряс перед лицом Роберта Брешковица пакетиком с белым порошком.

– Вы, надеюсь, не будете отрицать, что это ваше?

– Это мое… сэр.

– Когда вы начали?

– Еще в Австралии. Каждый снимает боль, как может.

– В медпункте вам могли назначить антидепрессанты. А вы, похоже, нашли кое-что посильнее, чем прозак. Знаете, хоть вы и гражданский специалист, я могу отдать вас под трибунал. Черт побери, согласно новым полномочиям я и сам могу вышибить вам мозги. Понимаете?

Мерзавец кивнул. «Если вы считаете нужным», – говорил его взгляд. Он знал, что незаменим.

Хорошенький выбор. Доверить ядерное оружие неуравновешенному человеку или провалить задание. Этот гражданский, разрабатывавший программное обеспечение для крылатых ракет, ввиду чрезвычайных обстоятельств был зачислен в экипаж в качестве оружейника[1 - Weaponer – офицер, ответственный за оружие массового поражения на АПЛ США.]. Именно он должен был готовить полетное задание для ракет, которые поставят точку в этой долбанной войне.

Хотя в разрушенном мире он вряд ли мог сделать что-либо еще хуже. Он мог угрожать прежде всего тем, кто находился на борту. Но именно за них капитан и отвечал, поэтому решил держать Брешковица под контролем каждую секунду.

– А это что? – он показал Брешковицу внешний жесткий диск, старую модель размером с сигаретную пачку (новые были не больше флэш-карты). Диск нашли там же, где и героин – в нише, куда убиралась складная койка.

– Я думаю, вам стоит это посмотреть, сэр.

– Как будто у меня нет других дел. Так уж быть, я закрою глаза на ваши шалости. Если надо, я прикую вас к компьютеру, как галерного раба. Я хочу, чтобы каждая наша ракета попала в цель и мы, наконец, убрались из этой задницы. А до этого вы будете каждую секунду под надзором. Отправляйтесь спать. Завтра у вас будет трудный день. Джон, – обратился капитан к старшему помощнику, – отведите его на гауптвахту. А эту дрянь сожгите.

Оставшись один, капитан тяжело опустился в кресло – единственное на судне, где экономия веса и пространства заставляла обходиться компактными складными стульчиками.

Приказом по флоту все видео-, аудио – и иные материалы, касающиеся ядерной атаки на США, были запрещены к показу и распространению. Но ничего существенного добавить к вине оружейника это не могло.

Сильверберг хотел было убрать винчестер в стол, но в последний момент любопытство пересилило. На всякий случай он подошел к люку. Вдруг кому-то придет в голову подслушивать? Но никого снаружи не было, и по пустым коридорам корабля капитана Немо гуляло эхо.

Капитан вернулся к компьютеру, вставил внешний HDD в разъем и нажал на «просмотр изображения».

Он перевел взгляд на экран монитора и тут же почувствовал, как сердце сбилось с ритма. Это надо было видеть. Перед ними разворачивалась панорама мертвого города с высоты птичьего полета. Можно было различить одноэтажные дома, автомобили, но не людей. Даже когда камера наплыла на широкий проспект.

«Они слились с асфальтом, – вдруг понял он. – Да нет, даже не слились. Они с ним сплавились».

Город был, скорее всего, американский, но не было ни одной детали, за которую мог бы ухватиться глаз, чтоб определить, какой именно.

Надпись вверху экрана, которую он сначала не заметил, объяснила все. Washington, D.C.

А через секунду он опознал в груде камней останки Капитолия. Сначала он решил, что снимали с неподвижно висящего вертолета, но в следующую секунду изображение скакнуло выше – и вот уже внизу остались кучевые облака. Невидимый наблюдатель продолжал подниматься. С такой высоты проглядывавшая сквозь прорехи в облачном покрове земля казалась испещренной оспинами.

Беспилотный самолет-шпион? Нет, за кадром звучал голос. Камера чуть дрожит, значит, ее держат в руках, а не жестко зафиксировали.

Разрыв. Затем объектив бесстрастной камеры начал неумолимо приближаться к новому мегаполису. Он снижался до тех пор, пока не стало возможным увидеть действительно все. Затаив дыхание, два человека смотрели последний видеоклип. Армагеддон non-stop. Это зрелище относилось к числу тех, к которым трудно привыкнуть.

Мартиролог войны сопровождался обволакивающей музыкой в стиле эмбиент. Звуки электронного реквиема то покалывали нервы иголочками, то давили прессом, хотя громкость была минимальной.

А небесный оператор продолжал облетать города северо-восточного побережья.

Бостон. Чикаго. Нью-Йорк. Почти неотличимые друг от друга горы развалин. С трудом в этом лунном ландшафте угадывались прежние достопримечательности. Несколько уцелевших пролетов Бруклинского моста. Остатки небоскребов «Эмпайр-стейтс-билдинг» и «Утюг». Крохотный Liberty island – от Статуи Свободы остался только постамент. Капитан заметил, что оператор или режиссер намеренно фиксирует внимание зрителя на том, что для каждого американца являлось символом.

Наконец, он узнал Филадельфию, которая напоминала большое болото. Заснята она была, похоже, через неделю после атаки, потому что пожары успели потухнуть, и оператор не боялся подлетать к выжженной проплешине эпицентра. Эти кадры были одними из самых тяжелых. Потом приближение стало таким, что можно было рассмотреть отдельные здания, точнее, руины. Массивный фасад Художественного музея уныло торчал из подернутой ряской воды, в которой плавали автомобильные покрышки, пластмассовые стулья и то, что могло быть как бревнами, так и раздувшимися трупами. Капитан спокойно и отстраненно пробегал взглядом по знакомым очертаниям улиц. Даун-таун был разрушен почти до основания, словно его долго и с остервенением громил огромный ящер из глупого японского кино.

Города сменяли друг друга, но пейзаж оставался прежним. Черная выжженная пустыня. Атомная бомба свела к общему знаменателю и негритянские гетто, и роскошные пригороды.

Что там за надпись внизу? Он пригляделся.

Цитаты из Апокалипсиса («The fourth angel poured out his bowl on the sun, and the sun was given power to scorch people with fire…»)[2 - «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано ему было жечь людей огнем». (Откровение Св. Иоанна Богослова, 15:8)] и какая-то мистическая чепуха, которая перемежалась риторическими вопросами.

Непрерывный заунывный вопль по погибшему человечеству.

Капитан усмехнулся. Вот и здесь опять англо-саксонский шовинизм. Сообщение было адресовано «всем живым людям планеты», но надпись бегущей строкой шла только на английском. Ему хотелось возразить неведомому плакальщику: «Рано вы нас хороните!», но тут на экране снова появился сгоревший Нью-Йорк. Запись пошла по второму кругу?

Нет.

На этот раз съемка была сделана, судя по всему, через месяц после удара. И теперь точно снимали с вертолета – на заднем плане слышался шум винтов. На этот раз он смотрел внимательнее и успевал разглядеть мелкие детали, которые ускользнули во время первого просмотра. Плотина из трупов между двумя шлюзами на реке. Обгорелое тело на перевернутом, но почти целом велосипеде. Черный силуэт человека, будто отпечатавшийся на оплавленной бетонной стене. Двое на скамейке.

Внезапно он вспомнил тот вечер. Закат над океаном. Ее волосы, глаза, запах ее тела. Они познакомились в клубе, куда он зашел второй раз в жизни. У стойки бара, к которой Эбрахам вышел, как к острову в море дергавшихся под нелепую музыку и вспышки стробоскопа силуэтов. Странно, что он вспомнил об этой ночи в Нью-Йорке именно сейчас. Они не могли быть вместе, и дело было даже не в том, что у нее был муж. Просто так сложились обстоятельства.

Вместо того, чтобы сразу пойти к нему в номер, они тогда долго гуляли в Центральном парке, где-то неподалеку.

А на экране уже были кварталы одноэтажных домов. Вдруг один размытый контур на мгновение обрел четкость, и капитан увидел фигуру человека рядом с крыльцом. Собственно, от всего дома хорошо сохранилось только крыльцо. Чернокожий – а может, просто вымазавшийся в саже – человек в теплой куртке рылся в куче обломков. Он нагреб с десяток банок и начал складывать их в тележку из супермаркета. Воровато оглянулся, и, видимо, заметив кого-то, бегом припустил вместе с тележкой, уходя из поля зрения камеры.

А экран по-прежнему засыпал Сильверберга лавиной вопросов, на которые не знал ответа не только он:

«WHAT HAVE WE DONE?»[3 - Что мы сделали?]

«What will become of us?»[4 - Что будет с нами?]

Последний вопрос можно было трактовать двояко, но Эбрахам почему-то подумал, что речь идет не только о United States. Ставшая уже привычной зловещая мелодия внезапно оборвалась. Изображение исчезло, сменившись синим экраном.

Это капитан выдернул винчестер из разъема.

«Ожидайте ответа от внешнего накопителя»

«Ожидайте ответа…»

«Ожидайте…»

– Занимательно, – бесстрастно произнес в пустоту Сильверберг, поднимаясь с места. – А вы думали, я другого ждал?

Вроде ничего нового он не увидел. Но почему-то давнишние мечты о тихом уголке, райском острове показались до смешного наивными. Остался ли где-нибудь такой?

Он понятия не имел, что будет делать потом, когда они выполнят задание.

Ненависти к русским не было, жажды мести тоже. Только тоска и отчаяние. Пропадите вы все пропадом…

Он хотел, чтобы каждая из ракет, несущих Nuclear Robust Earth Penetrator, поразила бункеры Урала. А потом эту чертову «цель номер пять». Пусть война, наконец, закончится.

Часть 1

ИСХОД

Два шага до черты -

И нам уже не повернуть назад

Скажи, что впереди -

Желанный рай или дорога в ад?

группа «Tracktor Bowling»,

«Черта»

Глава 1. Разведчики

Ровный ход вездехода – так же он когда-то ехал на своем «Патроле» по германскому автобану – подкупал иллюзорной возможностью расслабиться и отвлечься. Особенно если за рулем верный товарищ, а сам ты отдыхаешь после четырехчасовой вахты.

Никогда они еще не забирались так далеко. Богданов смотрел на руины, проплывающие в синеватом свете галогенных фар.

Эта война с самого начала казалось ему бредом, слегка замаскированным под реальность. Что-то не вырисовывалось. У убийства должен быть мотив, это закон жанра. Мотив нападения на Россию вроде бы был, но шитый белыми нитками, как детективная интрига в ироническом детективе.

Нефть? Те лужицы, что от нее остались и разработка которых обошлась бы втрое дороже, чем на Ближнем Востоке. Но стоит ли сжигать дом, чтобы поджарить яичницу? Особенно если яйца протухли. Цветные, редкоземельные металлы, что еще там… Но все это русские и так исправно гнали на экспорт.

Нет, Владимир не идеализировал америкосов. Он не сомневался в их враждебности, но, в отличие от большинства патриотов, понимал, что вызвана она не русофобией, а более прозаическими причинами. Янки хотели кушать – и хорошо кушать, не так как китайцы. А когда нефтяные баррели, то есть по-русски, бочки начали показывать дно, перед мировым гегемоном встала реальная угроза… нет, конечно, не голода. Маленьких неудобств: дорогого бензина, спада производства, общей стагнации промышленности. Конечно, ветряки и этанол из кукурузных початков в баках автомобилей – это красиво. Но не факт, что возможно.

Да даже если так, это влетело бы американской экономике в копеечку и лет на десять лишило бы ее конкурентоспособности. А в обстановке нарастающего противостояния с Китаем, эта «пауза» могла стать роковой и обеспечить азиатскому дракону победу.

Вроде бы нападение на Россию выглядит логичным шагом. Но в этом «вроде бы» заключалась маленькая неувязка. Опыт Ирака доказал, что оккупационная разработка ресурсов не может быть рентабельной. Не на этом историческом этапе. Расходы на безопасность в стране, где у «демократизаторов» земля горит под ногами, многократно превышают доходы от добычи любого сырья.

Это в XVIII веке можно было пушками и ружьями держать голозадых дикарей в узде. Надо быть наивным, чтобы верить, будто подобное возможно в эпоху, когда взрывчатка и автоматы уравняли шансы колонизаторов и туземцев, а массовый героизм последних свел на нет любые достижения высоких технологий. Запад не смог переварить Ирак, Афганистан… уже первые дни операции в Иране показали, что потери растут по экспоненте. Неужели с таким опытом они решились бы сунуться в страшную дикую Россию, да еще так грубо?

А может, подумал Богданов, имело место «трагическое недоразумение»? Ошибочный пуск. Техническая неисправность. Птицы над радиолокационной станцией. Человеческий фактор. Вроде и Карибский, и все прочие эскалации напряжения в годы холодной войны не были запланированными провокациями. Просто, что называется, слово за слово, и понеслось. Может, и теперь так? И не было никакого заговора сионских мудрецов?

«Где ж вы, сволочи? Почему не прилетаете?»

Если в первые дни Богданов еще верил в возможность наземной операции, то теперь отбросил эти мысли как бред. Даже если у них по другую сторону океана что-нибудь сохранилось, никакой десант был бы невозможен в таких метеоусловиях. Да и зачем? Добивать тут было некого.

Он отогнал ненужные мысли. Нет, расслабляться нельзя. Тем более что он еще и выполняет обязанности штурмана. А при случае – и стрелка. Люк в крыше «Полярного лиса» явно был предусмотрен не для этого, но стрелять из РПК[5 - РПК – Ручной пулемет Калашникова, калибр 7.62 мм., по сравнению с АК-47 и АКМ позволяет вести более интенсивную стрельбу, возможно питание от магазинов повышенной емкости на 40 патронов и из барабанных магазинов (75 патронов)] из него было удобно.

Теперь по снегу, покрывшему все и вся и регулярно валившему, несмотря на морозы, могли проехать только машины с высокой проходимостью вроде «шишиги», да и то с цепями на колесах. Но для разведки и молниеносных вылазок гораздо чаще использовались снегоходы. В их прицепы на полозьях вмещалось до трехсот килограмм полезного груза, а больше обычно и не требовалось.

К этому времени Академгородок был прочесан вдоль и поперек, и Убежище вынужденно высылало поисковые партии дальше на север. Однако район Правого берега, меньше пострадавший от взрывов, не представлял большого интереса. Слишком много людей тут выжило, и прежде чем рассеяться по деревням, они еще в первые дни хорошо тут все подчистили. На складах и в продуктовых магазинах поисковики привыкли видеть картины разгрома и побоища: распахнутые настежь или взломанные ворота, а внутри – пустые ящики, разорванные коробки, горы битого стекла да иногда изувеченные, раздавленные трупы – жертвы битвы за «урожай».

Поэтому в этот раз разведгруппа отправилась на Левый берег, где не так давно бушевал радиоактивный ад, и среди развалин был шанс найти нетронутые залежи продуктов. Но радиация была не единственным из того, чего следовало бояться.

Они ехали по ночному городу. В море мрака изредка вспыхивали огоньки, похожие на созвездия. По их конфигурации и интенсивности наметанный взгляд

Богданова мог определить многое. Прежде всего, что перед ним: костер или фонарик, или, может быть, пожар.

Вот промелькнула россыпь огней слева, в районе улицы Терешковой. Там, Владимир знал, небольшая община горожан занимала два многоквартирных дома. Община и клан были двумя четко различимыми структурами нового мира. Будь Владимир социологом, он мог бы гордиться своими наблюдениями.

Общиной он про себя называл объединение соседей, родных или коллег, которые старались жить почти по-старому. Обыкновенно почти безоружные, ведь когда другие рылись в руинах ближайшего отделения милиции, они прятались в подвалах. Они вели полуголодное существование, потому что, когда самые ушлые растаскивали магазины, эти ждали спасателей, и, как результат, успевали лишь к шапочному разбору.

Они почти не покидали своих жилищ. Было что-то жуткое в их молчаливом ожидании. От любой тени эти доходяги ждали подвоха, но даже сейчас, находясь на последнем издыхании, они смотрели на пришельцев не столько со страхом, сколько с голодной ненавистью. Они были опасны, может, даже опаснее самых отмороженных. Им было нечего терять. Они были приговорены к смерти по закону Дарвина, и осознание того, что срок жизни их самих, их жен и детей исчисляется неделями, делало их неадекватными. Как стадо оленей, способное растоптать волка, они могли пойти скопом на автоматы.

Иногда все же случалось иметь с ними дело – выспросить дорогу, совершить небольшой бартер, а пару раз, в самые лютые морозы, даже останавливаться на ночлег. Владимир не любил смотреть им в глаза. Это было зрелище страшнее раздувшихся трупов, качающихся на волнах вышедшего из берегов водохранилища. Лучше отвернуться и побыстрее уехать прочь. Хорошо еще, что они ни о чем не просили, будто давно ни на кого не надеялись.

Владимир не знал, как ответить на немой вопрос, который можно было прочитать в каждом взгляде. «В чем мы виноваты?». Он мог бы переадресовать его тем, за океаном, если бы кому-то стало от этого легче. У него не возникало мысли пригласить их в Убежище, куда и сам он попал, можно сказать, по блату. Ни на секунду. Их было слишком много.

Вереница снегоходов неслась почти след в след по бывшему проспекту. Окна первого этажа наполовину скрылись под снегом, как будто дома ушли на два метра под землю. В этом был только один плюс – не видно тел.

Владимир заметил пятно света у береговой линии. Рыбаки. Так их называли в Убежище, хотя, конечно, никакой рыбы они не ловили. Это был уже клан. Объединение взрослых дееспособных мужчин, владеющих оружием и имеющих навыки выживания, говоря по-умному. Женщины и дети для них балласт, их нет или почти нет. Близко к понятию клана понятие банды. Только клан – это банда осевшая, а значит более удачливая.

В последнее время эти кланы изменились, образумились, что ли. Раньше, рассказывали старожилы Убежища, у них стоял дым коромыслом: горели костры, далеко разносился мат-перемат и женский визг. Порой даже играла забойная музыка. Теперь они приобрели какой-никакой опыт и больше напоминали воинские подразделения. Изменилось и отношение к вооруженным чужакам. В драку никто зря не лез, старались разрулить миром. Естественный отбор успел выкосить глупых и борзых.

Грань между «мирным» жителем и бандитом из клана была тонкой, но легко очерчивалась. Первых можно было назвать травоядными, а во вторых узнавались черты стайных хищников.

Быстро же Зима все расставила на свои места. Раньше ты мог быть слесарем, менеджером, врачом, военным, да хоть академиком. А теперь оказалось, что под слоем лака – он у всех разной толщины – у людей находится примерно одно и то же. Животное. Для которого в жизни не существует ничего кроме жрачки и всего, что связано с физиологией. Правда, животные бывают разные. Кто-то вел себя как баран, кто-то как волк, кто-то как свинья. Были и крысы, и шакалы… Не жизнь, а зоопарк.

За размышлениями он упустил момент, когда они проскочили мимо наблюдательного пункта Убежища. Дома слева и справа от дороги исчезли. Перед ними была река.

* * *

Глядя на замерзшую гладь Оби, Владимир вдруг вспомнил, что он увидел две недели назад, в декабре, на автомобильном мосту. Тогда они забрались дальше всего на север, в район Речного вокзала.

Он всегда считал себя обладателем крепкой психики и к тому времени повидал слишком многое, чтобы сохранить способность испытывать потрясения. Но эта картина окопалась в первой десятке «чарта» видений послеатомного мира. Теперь оно будет располагаться рядом с похожими стоп-кадрами: автобусом, зажатым двумя грузовиками, все пассажиры которого сидели как живые, силуэтами из жирной сажи на стене дома, и цепочкой детских трупиков у садика на Цветочной, при виде которых сопровождавший их группу бывший лейтенант из райотдела милиции, до этого показавший себя человеком твердым, продекламировал «Косточки, косточки, звездочки в ряд, трамвай переехал отряд октябрят…» и глупо захохотал. Он замолчал, лишь когда Богданов отвесил ему оплеуху. Владимир понимал, что у лейтенанта истерика, но другого способа прекратить ее не знал.

На мосту количество тел на квадратный метр превышало все увиденное ими ранее.

Владимир попытался поставить себя на место тех людей, сразу после импульса высотного взрыва, «выключившего» большинство автомобилей. Сначала паники не было. Наверно, большинство осталось в машинах. Только некоторые, кто поумнее и жившие неподалеку, решили идти домой пешком. Затем в центре города начали рваться крылатые ракеты, и тут паника стала распространяться как пожар. Дальнейшее легко представить. Машины были брошены, и их владельцы влились в огромную толпу, штурмовавшую подступы к мосту.

Тут-то их и застал удар. Все они погибли мгновенно, еще до прихода ударной волны. Судя по расположению тел, люди в основном бежали с западного берега на восточный. Но находились и такие, кто в эти последние минуты двигались «против течения», создавая дополнительные трудности для остальных. Широкий автомобильный мост превратился в непроходимую преграду для десяти с лишним тысяч человек. На таком расстоянии от места, где взорвалась первая бомба, они погибли еще до прихода взрывной волны, от одной лишь вспышки. Вплавились в асфальт, приклеились к железным ребрам моста и друг к другу. Содержащийся в человеческом теле жир превращается в клей при нужной температуре и давлении.

Впрочем, здесь, в четырех километрах от эпицентра, и те, кто шел по мосту, и те, кто просто ждал, что будет дальше, и даже спустившиеся в неглубокие подвалы, были обречены. Разве что метро могло спасти счастливчиков, да и то без гарантии.

Тогда разведчикам пришлось ехать по сплошному ковру из тел, чуть прикрытых снегом. Вездеход на воздушной подушке проплывал над ними, даже не замечая, а снегоходам приходилось лавировать, то и дело подпрыгивая, как на кочках. Будь у них колесный транспорт, пришлось бы проделывать борозду в этом страшном поле.

В их задачу не входили действия на левом берегу, и все же они по собственной инициативе проверили мост. Владимир вспомнил, как шел тогда впереди, и его фонарь выхватывал из темноты картины подстать комнате страха. Скелеты в покореженных автомобилях скалились поисковикам вслед, словно приглашая разделить свою участь. Самим машинам сильно досталось, и не только от взрывной волны.

Казалось, нечто вроде бульдозера или грейдера прошло тут как таран, столкнув не один десяток легковушек в Обь, растолкав оставшиеся в стороны и изрядно помяв их оплавленные и обгоревшие бока.

Дальше им попались три «Урала». Бензобаки были пусты, аккумуляторы давно сели, но с виду машины были целыми, что радовало. Передав информацию в Убежище – связь в тот день была нормальной, они двинулись дальше. Надо было глянуть, что там с мостом.

Здесь, в городе, концентрация пепла в воздухе была выше, чем вокруг их Гнезда, поэтому Владимиру вначале было трудно адаптироваться к плохой видимости. Обрыв они обнаружили неожиданно. Только что впереди был солидный бетон, и вдруг из темной пелены вынырнул край, резко загибающийся вниз, как на американских горках. Будь Владимир чуть менее внимательным, не видать бы ему больше Убежища. Два пролета как корова языком слизнула – обвалилось ровно, будто направленным взрывом подорвало. Он не видел, что творилось на другой стороне, даже мощные аккумуляторные фонари не добивали до противоположного берега.

Они могли только догадываться, кто нанес мосту последний удар. Но, судя по военным машинам сопровождения, это была колонна бронетехники, которая в первые дни катастрофы неслась из города на восток, выполняя чей-то идиотский приказ, а может, просто спасаясь бегством. Когда на середину моста въехали несколько тяжелых Т-80 или Т-90, что-то не выдержало в несущих конструкциях, и целый пролет рухнул в реку. Вместе с ним на дно отправилось несколько танков с экипажами. Они могли обеспечить защиту от поражающих факторов ядерного взрыва, но плавающими не были.

С этой колонной было связано еще одно открытие – полезное. Брошенные «Уралы» оказались забиты боеприпасами, причем помимо танковых кумулятивных и бронебойных снарядов (по понятным причинам бесполезных), в них нашлись шесть цинков с патронами самых «ходовых» калибров: 5.45, 7.62. и 12.7. В седьмом оказались новенькие противогазы и запас регенеративных патронов к ним. Еще в одном – сигнальные ракеты и выстрелы к подствольному гранатомету. Три последних ящика были пусты и брошены открытыми прямо на снегу, будто отступали солдаты в страшной спешке. Еще бы, через несколько дней после взрыва фон там был ого-го.

Того, что творилось внизу, из кабины было не разглядеть. Богданов не мог видеть, как падают комья снега, поднятые волной воздуха от винта, с пятидесятиметровой высоты, заканчивая свой полет на черном льду, сковавшем Обь.

Тогда они вернулись домой с хорошими трофеями. Но еще в тот день у Владимира появилось предчувствие, что однажды им может понадобиться попасть туда, на левый берег.

* * *

Как в воду глядел. И вот они стоят перед великой рекой – гораздо южнее, и он изучает в ПНВ ее скованное ледяным панцирем русло. Злой ветер завывает в ушах, пытается сорвать меховую шапку.

Другая группа неделей ранее докладывала, что расположенный севернее железнодорожный мост потрепан взрывной волной, но цел. Однако при приближении к мосту группу обстреляли – один был убит, двое ранены. Оказывается, местные поняли стратегическую выгоду от обладания

единственной связующей нитью между двумя берегами, и держались за нее крепко. Не исключено, что там можно было прорваться, но все же Убежище предпочло меньший риск.

Поэтому вот уже неделю в районе Правых Чемов функционировала переправа. Отсюда на левый берег отправлялись поисковые группы и группы снабжения – вдоль берега на север, в самое пекло, туда, где выжило меньше всего людей и до сих пор сохранялся довольно высокий уровень радиации. По возвращении машины, груз и сами поисковики проходили тщательную санобработку. Но все равно это требовало постоянной ротации людей. Приходилось выбирать между опытными, но уже получившими дозу, и теми, кто еще не был проверен в деле, но был «чистым».

Группа Богданова заготовками продуктов не занималась. Ее задачей была дальняя разведка и иногда сопровождение важных грузов от временного лагеря на левом берегу до Убежища. В том числе и на участке переправы через Обь.

«Наша „дорога жизни“» – подумал Богданов, когда увидел ее в первый раз. И правда, так похоже было на блокаду Ленинграда. Тогда ведь тоже каннибализм был, и из-за куска хлеба, случалось, убивали.

«Хотя нет, не похоже», – укорил он себя, вспомнив хари городских мародеров.

Народ теперь был другой, а уж страна – тем более. Тогда мародерствовали и человечину жрали единицы, большинство оставались людьми несмотря ни на что. Последнее отдавали, но других поддерживали. А не как сейчас: «выжил сам – выживи другого». Психология шакалов. Если бы нынешнему поколению выпало воевать в ту войну, подумал Владимир, драпали бы от немцев до Владивостока.

Для тех, кто живет или часто бывает на «северах» и в других труднодоступных уголках страны – геологов, промысловиков, суровых туристов – переправа по льду на любой технике – это не аврал, а почти рутина. Ничего сверхопасного тут нет, если строго следуешь простым правилам. Первой задачей при организации переправы было найти достаточно пологий участок берега, линия которого после разлива реки изменилась до неузнаваемости.

Худо-бедно разведчики нашли место, где склон обладал наименьшей крутизной.

Чтобы узнать, какой толщины лед намерз за эти месяцы на реке, Владимиру пришлось вспомнить давнее увлечение – зимнюю рыбалку – и вооружиться коловоротом. Он сделал замеры в трех местах, и в целом увиденное его обнадежило. Двадцать сантиметров. В принципе достаточно для прохождения машины весом до двух тонн на скорости. Лед был не мутный, к берегу примыкал без щелей, над водой не нависал. В Великую Отечественную по льду чуть толще без проблем гоняли танки и САУ.

Они опасались не за себя. Судно на воздушной подушке пройдет где угодно, удельное давление на грунт у снегохода тоже невелико. Но перевозки осуществляли грузовики – «Шишиги», «Садко», «Уралы», каждый из которых на обратном пути шел изрядно потяжелевшим.

Салон чуть наклонился вперед. Они съехали с дороги и спустились по пологому склону. Судно понеслось по замерзшей Оби в двадцати сантиметрах над поверхностью льда. Снегоходы – «Буран» и две «Ямахи» следовали за ним.

Слева из темноты выступал гигантский силуэт разрушенной плотины. Даже это инженерное сооружение не было рассчитано на такие сотрясения. Владимиру показалось, что плотина кренится в сторону, как Пизанская башня, хотя это мог быть и обман зрения.

Вроде бы операцию эту они давно хорошо отработали, но каждый раз она сопровождалась легким стрессом.

Грея над исправно работающей печкой руки, Богданов считал секунды. Казалось, что они движутся медленно – вокруг почти ничего не менялось. Лишь иногда, то справа, то слева появлялись из темноты разбитые артефакты земной цивилизации – вмерзший остов катера, несколько покореженных яхт и опрокинутых моторок. Владимир довольно живо представил, как где-то там ползают по дну раки, вдоволь наевшиеся мертвечины.

На середине реки сидевший рядом Макс указал на видневшийся вдали силуэт корабля, вмерзшего в лед:

– Почему бы не проверить этот «Челюскин»?

– Вряд ли там есть что-то полезное, – покачал головой Владимир. – Похож на лесовоз. Да и нельзя нам останавливаться.

Он стал мнительным и не хотел лишний раз испытывать судьбу. А еще он стал суеверным. Но покажите хоть одного несуеверного летчика, подводника, альпиниста – любого, кто ходит под смертью…

За себя и товарищей он не боялся, но переправа грузовиков внушала ему опасения. Богданов понимал, что самый опасный этап операции впереди.

Он пропустил момент, когда твердая земля под ними опять сменила ненадежную корку. Вот он, левый берег.

* * *

Они встретили маленькую колонну возле временного лагеря на границе зоны сильного заражения. Та везла запасные части для фильтр-вентиляционной камеры и оборудование для скважины прямо со склада фирмы-проектировщика Убежища, и еще много менее приоритетной добычи – топлива, одежды. Продуктов в этот раз почти не нашли.

Начали путь по скованной ледяным панцирем Оби штатным порядком. Снегоходы конвоировали колонну, вездеход ехал в середке. Наконец, первый грузовик выехал на лед там же, где несколько дней назад переправилась на ту сторону. Так было надежнее, хотя гарантии, конечно, никто бы не дал. Следы колес давно занесло, но место было отмечено несколькими знаками, вроде поваленных столбов, которые чужаку бы не сказали ничего.

Еще до того как миновали первые сто метров, Богданов что-то почувствовал, но он списал все на недосып и нервное напряжение. Это произошло, когда они преодолели две третьих пути, и Владимир уже грешным делом расслабился. В этот момент судьба нанесла первый удар, наказывая его за недопустимый оптимизм.

Матерный крик ворвался в тишину кабины, Владимир с трудом разобрал отдельные слова.

– Это третий. Мы встали. Заглохли.

Нет, этого только не хватало.

– Караван! – гаркнул Богданов в микрофон. – Не останавливаться! Езжайте и ждите на берегу у кафешки. Сопровождение, не отставайте. Мы сами справимся.

Он повернулся к водителю:

– Поворачиваем. Вон он.

Впереди быстро уменьшались красные огни двух грузовиков, спешивших покинуть опасное место. Судно плавно выполнило поворот, и они увидели остановившийся в самый неподходящий момент грузовик. Увидели и людей из группы материально-технического снабжения.

Один, видимо, водитель, ковырялся в моторе, еще четверо, из тех, кто переходил пешком, что-то делали у кузова – похоже, пытались выгрузить прямо на лед часть груза.

Развязка произошла на глазах разведчиков. Внезапно «Урал» чуть дернулся и накренился. Теперь только одна пара его колес имела под собой опору: передняя ось погрузилась, и корма задралась как непристойно откляченный зад певички. Речная гладь сказала «крак» и прогнулась. По зеркалу ледяного покрова потянулись трещины, ширясь и заполняясь водой. Плавно, как в замедленной съемке, машина начала погружаться и вдруг, перевалив через точку шаткого равновесия, мигом исчезла из виду, будто кто-то с силой потянул ее снизу. Все это заняло не более трех секунд.

Когда «Полярный лис» прибыл к месту катастрофы, разведчики готовы были бежать бегом, чтобы спасать тонущих. Тех чудом не затянуло вместе с машиной, но положение их было отчаянное.

– Куда?! – остановил товарищей Владимир, который помнил о коварной природе льда. – К самому краю не подходите.

Ветер давно разогнал облако холодного пара, и глазам собравшихся у полыньи предстало леденящее кровь зрелище. По темной маслянистой воде, подсвеченной галогенными фарами и прожектором на крыше «Полярного лиса», расходились широкие круги.

В воде барахтались люди – трое. Они пытались вылезти, но резали пальцы о край и падали, бултыхаясь в паре метров от спасительной кромки. В холодной воде неподготовленный человек быстро лишается сил и коченеет.

Спасатели осторожно подползли к краю и оттащили от него тех двоих, которые уже выбрались без посторонней помощи. Их заставили бежать к горевшим в темноте огням «Лиса», чтоб согрелись, а сами занялись остальными. Тех вытаскивали, бросая им веревку с карабином. Вскоре все были в безопасности, им оставалось только согреться и отойти от шока. Им повезло… Чего не скажешь об Убежище, которое лишилось ценного груза.

Разместив спасенных в салоне «Лиса», тронулись в путь, оставив позади полынью, где как насмешка покачивались на поверхности воды десяток пачек корейской лапши из «трюма» грузовика, разделившего судьбу «Титаника». Вода на глазах покрывалась прозрачной, как целлофан, пленкой.

Картину происшествия потом восстановили, опросив чуть было не утонувших караванщиков. Грузовик действительно заглох в самый неподходящий момент, но это было полбеды. Сам майор сто раз говорил им, что распределять груз следует равномерно, не нагружать машины доверху, а лучше сделать лишний рейс. В этот раз распоряжение проигнорировали. Хотели привезти в Убежище как можно больше.

Теперь они потеряли грузовик с оборудованием, которое могло повысить жизнеспособность Убежища. Богданов готов был съесть свою шапку от злости, в основном на себя. Он чувствовал собственную вину, хотя размещение груза не входило в его обязанности.

На берегу у заброшенной забегаловки они догнали колонну, а через два часа были уже дома. Но вместо того, чтоб направиться в Убежище, свернули с Университетского проспекта, не доезжая метров пятьсот до подземного перехода. Проехав мимо разрушенных двенадцатиэтажных жилых домов, они оказались перед неприметным бетонным забором, за которым чернели силуэты

зданий ангарного типа. Ворота были открыты. Их уже ждали.

Автобаза № 4 была плацдармом Убежища на поверхности.

* * *

Здесь следы разрушения не так бросались в глаза, как в жилых домах. Многое совсем не изменилась. Как будто не было этих трех месяцев, за которые перестал существовать мир. Когда Демьянов впервые пришел сюда на разведку, стоило ему миновать железные ворота и КПП, как его охватила жестокая ностальгия. Он тогда подумал, что в его крохотном кабинете на втором этаже все еще стоит невымытая в пятницу чашка с остатками кофе и лежит раскрытым недочитанный журнал «Гражданская защита».

Но нет, конечно, там все сгорело. Может, оно и к лучшему. Эти воспоминания могли бы увлечь его дальше в прошлое. В те времена, когда его семейная жизнь еще не пошла на дно, как торпедированный корабль. Только теперь он понимал, что это были страшные годы, а тогда он жил как во сне, одним днем, не замечая, что тихо спивается и деградирует, становясь на пятом десятке старой развалиной.

Когда они пришли сюда, здесь не было ни души. Да и странно было бы, если бы кто-то пытался выжить в этом месте. На мгновение он подумал о том, что стало с работниками базы, его бывшими коллегами… Разбрелись кто куда и или погибли, или осели в деревнях и переполненных лагерях беженцев. Те, кого он должен был защищать, исходя из должностных обязанностей, грубо нарушенных 23-го.

Гаражные боксы пострадали меньше – только один полностью выгорел, видимо, воспламенились горюче-смазочные материалы, остальные четыре стояли почти нетронутыми. Правда, весь запас топлива пропал, как и почти весь транспорт, который был исправен, что не удивительно – людям же надо было на чем-то бежать из города. Новый пришлось добывать в ходе рейдов.

Эхо их шагов гулко разносилось по огромным гаражам. Двое связистов тащили, разматывая за собой, катушку телефонного провода – наводили связь с подземельем. Демьянов остановился возле груды старых покрышек, сложенных

у входа в нарушение правил пожарной безопасности. От огня они вулканизировались, стали твердыми как камень.

Пар валил изо рта. Здесь было немногим теплее, чем на улице, разве что ветра не было. Но он знал, что скоро это место оживет, пустые помещения наполнятся голосами и шумом работы. Ее предстояло много. Именно отсюда они совершат свой бросок.

Вот уже почти месяц прошел с тех пор, как они начали готовиться к эвакуации. На первом этапе они не покидали подземелья, накапливали жирок в ходе рейдов. Теперь операция вышла на финишную прямую. Со всего района были собраны гусеничные трактора и прицепы – на них повезут материальное имущество. Для людей предназначены почти три десятка автобусов с обогреваемыми салонами. С цепями на колесах у них будет достаточная проходимость, чтобы пройти вслед за гусеничной техникой там, где когда-то была автотрасса.

Формирования Убежища, раздутые уже до четырехсот человек, трудились не покладая рук. Никто не сидел без дела. Разведгруппы исследовали будущий маршрут и оборудовали перевалочные пункты. Группы материально-технического и продовольственного снабжения искали среди руин необходимые ресурсы и продукты. Бойцы отделения охраны общественного порядка стерегли ключевые объекты Убежища – продовольственный склад, дизельную электростанцию, ФВК, чтоб не допустить повторения событий, которые чуть не погубили всех в первый месяц их заточения. Теперь к их обязанностям прибавится и несение караулов на автобазе.

Глава 2. Продукты и патроны

Они нашли ее во время самого дальнего из своих рейдов. Демьянов знал о ней, но не торопился, так как был уверен, что такой лакомый кусок не мог не иметь хозяина. Это был не мобилизационный склад с устаревшим вооружением, а действующая воинская часть мотопехоты, хоть и кадрированная, то есть постоянно службу на ней несли только офицеры и контрактники. Демьянов там не бывал, но знал, что, по крайней мере, БТРы у них там есть. Он нуждался не в бронетехнике (от пары «коробочек» не отказался бы, но уж очень много жрут

топлива, заразы), а в пулеметах.

Тяжелое вооружение было нужно Убежищу как воздух. Около недели назад разведгруппа атаковала среднего пошиба банду, укрепившуюся в небольшом супермаркете. Потеряли двоих, но победу одержали. Когда закончили перевозить добычу, Демьянов поймал себя на циничной мысли, что размен вышел выгодным. Но он прекрасно понимал, что, будь у них крупнокалиберный пулемет, обошлось бы и вовсе без потерь.

Часть находилась почти в двадцати километрах к востоку от Академгородка. Здесь тоже обосновались очень серьезные люди, на их дозор и нарвались четверо поисковиков в конце ноября. Тогда чудом не пролилась кровь. У разведчиков хватило ума сложить оружие перед лицом превосходящей силы. Их со знанием дела подвергли «жесткому» допросу, но после того, как они рассказали про Убежище, неожиданно отпустили, предложив майору встретиться с командованием базы лично.

И вот теперь эмиссары Убежища отправились туда.

«Стрелка» должна была состояться на нейтральной территории. Нейтральность ее была условной. Демьянов понимал, что если новые знакомые захотят устроить засаду, они ничего не смогут противопоставить. Но в засаде не было резона – что с них возьмешь? А вот сотрудничество могло бы быть взаимовыгодным.

Когда «Полярный лис» доехал до условленного поворота, из-за рекламного щита на обочине, на котором висели остатки рекламы дорогих сигарет, не таясь, вышел человек в камуфляже и поднял руку с химическим фонарем.

Вскоре они услышали шум мотора. Демьянов угадал – это был «бардак», его фары слепили привыкшие к темноте глаза. Встречавший их офицер вылез из люка подъехавшей БРДМ и легко спрыгнул на укатанный снег, за ним – двое бойцов, которые для солдат-«срочников» выглядели слишком матерыми – скорее, «контрабасы». Типа личная охрана.

После того, как в один день рухнуло все, что казалось незыблемым, Демьянов уже ничему не удивлялся. Не удивился он и теперь, встретив человека, который

первым рассказал ему о случившемся тогда, в страшные минуты начала конца. Подполковник Дмитрий Иваненко собственной персоной. Тот самый, который уехал «оповещать» население, оставив вверенных ему солдат-ракетчиков в Убежище.

А вот он, похоже, удивился, увидев Демьянова живым.

«Успел всех нас списать, – подумал майор. – И своих ракетчиков тоже. Просто спихнул на меня, чтоб не мешали драпать. Сволочь».

Но Демьянов слишком многое видел за эти дни, чтоб осуждать кого бы то ни было. Он и раньше знал, что Дима относится к той группе российских офицеров, по которым люди посторонние обычно судили обо всех вооруженных силах. В силу своеобразной «кадровой политики» армия была наполнена теми, кто рад был бы найти более хлебное место на коммерческой ниве, да умом или амбициями не вышел. Именно они были героями анекдотов про недалеких вороватых прапоров или офицеров. Службу такие люди воспринимали как неизбежное зло и всеми силами пытались использовать это зло себе на благо. При любой возможности они меняли сферу деятельности на ту, где платили больше. Стоит ли удивляться, что он повел себя так, а не иначе?

И все же Демьянов был рад видеть Иваненко. С тех пор, как они в последний раз разговаривали, стоя среди парализованных машин на Университетском проспекте, за полчаса до ядерной атаки, подполковник изменился. Осунулся, помрачнел, его левое веко нервно подергивалось. И все же выглядел он сытым и даже слегка пьяным. Демьянов знал, что сам смотрится куда более измочаленным. Взять хотя бы круги под глазами – спал плохо. На обоих были заметны следы этих недель ада. Оба были бледны, так как не видели солнца уже больше месяца.

– Какие люди! Ну, здорово, Серега. Мир тесен.

Они пожали друг другу руки.

– Диман, вот так встреча. И многих ты оповестил? – Демьянов не смог сдержать сарказма.

– Да всех, кого надо, – спокойно ответил Дмитрий.

– Хорошо устроился.

– Не жалуюсь. Ты сам-то теперь где, все в своей яме торчишь?

– Пока еще да, – врать не было нужды. Этим людям ничего от Убежища не было нужно.

– Как там мои орлы? – видно было, что спрашивает подполковник для проформы, судьба бывших подчиненных его мало интересовала.

– Молодцом.

– Ну, заботься о них получше. Вообще, я не думал, что из вашей затеи что-то выйдет.

Значит, и вправду похоронил заживо. Демьянов не знал, что ответить. Вместо этого он указал на пару огоньков в отдалении. Он знал, что это корпуса базы, до которой было километров пять.

– Офигеть. Аж отсюда видать. Кто это у вас там светомаскировку не соблюдает?

– Начальство, – скривился Иваненко.

– Так ты, значит, не самый главный?

– Где уж там. Есть тут аж три генерала: летун, танкист и МЧСовец. Даже ФСБшники и мэрия. Договориться до сих пор не могут, кто главнее. Я у них вроде завхоза. Ну, и по связям с общественностью, – он усмехнулся. – Ладно, пошли к вам в салон. Зачем сопли морозить?

Тесная бронемашина для переговоров подходила мало, поэтому они переместились в транспортное средство гостей…

– Хорошая штука, – похвалил Иваненко снегоход на воздушной подушке.

Из БРДМа был принесен термос с чаем, бутылка водки и немного закуски, в том числе даже печенье «курабье».

– Как вы нас нашли, а? – начал допытываться Дмитрий.

– Чисто случайно, – сказал правду майор.

– Врешь, ой врешь. Как там в песне поется: «Нам разведка доложила точно…» – однокашник рассмеялся, показав желтоватые зубы. – С чем пожаловали, гости дорогие?

Демьянов начал обрисовывать ситуацию. Короткие, рубленые фразы повисли в воздухе: пять тысяч человек, женщины, дети… Он не собирался выступать в роли просителя. Если б от этого был толк, он бы переборол свою гордость, но это было бессмысленно. В новом мире ничего не давали даром.

– Пять тысяч, говоришь… – ответом был многозначительный взгляд. – Да вокруг пять миллионов таких бедолаг. И что?

– Значит, сидите на своем складе как собаки на сене, – тон Демьянова стал холодным.

– Сидим. Но это наш склад.

– Вы его купили?

– Ты это, не лезь в бутылку, застрянешь. Мы его взяли в первый день, пока все по подвалам пряталось.

Демьянов подумал, что вряд ли смог бы быть дипломатом. Ну не получалось у него улыбаться, когда хочется дать собеседнику в рожу.

– Ладно, не горячись. Как будто сами вы не мародерили, – примирительно произнес Дмитрий. – Что хотел-то? Явно не за жизнь потрепаться.

– Предлагаю объединиться, – произнес майор, хоть это и далось ему нелегко. В нескольких словах он рассказал о плане переселения. Естественно, не называя

направления и конечного пункта. Он надеялся на их согласие, хоть и понимал, что тогда придется навсегда уступить власть сборной солянке из силовиков и чиновников. Он не тяготился ответственностью, но понимал, что вместе у них будет гораздо больше шансов.

Выслушав его, Дмитрий некоторое время хранил молчание, и Демьянов уже начал думать, что решение будет положительным, и они сейчас же отправятся к генералам, чтоб обсудить детали присоединения Убежища к тем, кто обладает реальной силой.

– Странный ты человек, Серега, – начал Дмитрий после затянувшейся паузы. – Всегда был себе на уме. Вот и сейчас… Город хочешь основать. Прям Петр Первый. Все нормальные люди себя спасают, а ты, блин, как дед Мазай… Гуманист хренов. До тебя, похоже, не доходит, в какое дерьмо вы вляпались. Ну, спасешь ты их сейчас, перевезешь, найдешь им харч на месяц, на два, даже на год. А потом что?

– Как-нибудь выкрутимся.

– Ты слушай, о чем я толкую. Зима. Это раз. Урожай погиб. Это два. Плюс еще земля изгажена так, что не факт, что в следующем году вообще что-то вырастет. Три.

Демьянов не понял, имеет ли Иваненко в виду землю как почву, или Землю как планету.

– Даже если завтра засветит солнце, – продолжал Дима, – ты со своими городскими баранами далеко не уйдешь. Они ж как гиря на ногах. Квелые, хворые, кроме как перед экраном сидеть не умеют ни шута. И тебя на дно утянут. Тебе мало?

– Подумай хорошо, – сухо сказал Демьянов. – Вас тут вряд ли больше сотни. Думаете, вы одни такие крутые? Тут на бронетехнике многие раскатывают. Они ради вашей еды не пожалеют ни патронов, ни горючего.

– Ну, не пугай, – отмахнулся Иваненко. – Пока спокойно было. Гоняем иногда попрошаек, беженцев всяких. Да, прикатили недавно несколько умников на джипах, начали из автоматов палить. Ну, мы их всех из КПВТ покрошили. Никто

не ушел. Вы, наверно, видали их бренные останки. У нас есть чем встречу организовать.

Демьянов вспомнил остовы сгоревших легковушек и грузовика, мимо которых они проехали по пути сюда, и кивнул.

– Вас там в городе скорее вычислят и раздавят как мух, – продолжал Иваненко. – Вы, если выберетесь на поверхность и колонной пойдете, будете всем как бельмо на глазу.

– Пусть попробуют. Бойцов у нас побольше будет.

– «Бойцов», – с ухмылкой повторил Дмитрий. – Это ты о ком? У нас тут, как в гражданскую, офицерский полк. Каждый второй в «командировке» бывал. Элита. А твои новобранцы дай бог, если в упор в слоняру попадут. Про штафирок вообще молчу. Вооружены, поди, пневматикой?

– Да ладно тебе… Мы тут сделали кое-какие расчеты. Зима может продлиться еще не один месяц, – испробовал последний аргумент Демьянов.

– У нас новый финский котел и угля полтораста тонн, – отмахнулся Иваненко. – А продуктов хватит года на три с гаком.

Значит, их и вправду было немного.

– Ну, пусть три. А дальше?

– Дальше? – то ли переспросил, то ли передразнил Дмитрий. – Какое, епть, «дальше»?

Он замолчал и отхлебнул чаю.

– А нет никакого «дальше», Серега. Всем нам хана. Дело не в том, кто сколько проживет, а в том, как. Мы вот по-людски, а вы как крысы последнюю корку будете дожевывать.

– Ты демагогию для мемуаров прибереги, – оборвал поток его красноречия майор. – Это я предлагал вам поступить по-людски, а вы отказались.

На миг на лице собеседника промелькнуло что-то похожее на сомнение. Но оно исчезло, не задержавшись.

– Даже не буду передавать твое предложение отцам-командирам, – устало бросил Иваненко. – С какого перепугу они согласятся поделиться с вашей кучей дармоедов?

– Вещь под названием «присяга» пойдет? В ней еще упоминалась одна страна.

– Ты с каких это пор юмористом заделался? – веко подполковника дернулось сильнее обычного. – Ты еще про СССР вспомни. Звездец твоей стране пришел, и тебе придет, если будешь всяким недоумкам сопли вытирать. Пионер-тимуровец.

Демьянов не отвечал, давя окурок в пепельнице. Только бы не сорваться.

– Хотя подожди, – взгляд подполковника снова приобрел осмысленное выражение. – У меня встречное предложение. Оставайтесь. У нас место и паек человек для тридцати найдется. Выбери самых надежных, и идите к нам. Все равно вашему убежищу хана. Решай, однокашник, твой шанс.

«Скорее, твой… остаться человеком, – подумал Демьянов – и ты его просрал».

– Очень жаль, – сказал он. – Это твое последнее слово?

– Да.

– Ладно, значит, предложение снимается. Есть другое, деловое.

– Вот с этого и надо было начинать.

– Покупаю пулеметы в розницу. Как я понимаю, у вас «Корды»[6 - «Корд» – российский крупнокалиберный пулемёт с ленточным питанием под патрон 12,7 ? 108 мм. По сравнению с «Утесом» имеет большую точность стрельбы и меньший

вес.] есть?

– Лишних нет, – хмыкнул Дмитрий. – Вот «Утесы»[7 - «Утес» (НСВ-12,7 «Утес») – крупнокалиберный пулемет советского производства, калибр 12,7 мм.] найдутся.

– Тоже пойдет. Три штуки для хороших друзей наскребете? И патронов 12,7 до кучи.

Демьянов старался говорить так, чтоб казалось, будто и без того, и без другого они легко смогут обойтись. Первое правило рынка.

– Нехилые у тебя аппетиты, – Иваненко усмехнулся. – А что взамен предложишь?

Нутром Демьянов чувствовал, что с пулеметами у них проблемы нет, все дело в цене.

– А что вам нужно?

– Да почти ничего. Женщины. Остального тут навалом.

– Не, мы работорговлей не занимаемся, – вздохнул Демьянов. – Зато можем предложить все для охоты: капканы там и прочая фигня. На одной тушенке долго не просидите. Медикаменты. Снаряжение РХБЗ. Лыжи. Зимняя одежда. Алкоголь, включая элитный. Даже кокаин и героин, – он поморщился. – Золото. Брильянты. Чего только наши разведгруппы в городе не находили. Агрегат, на котором мы приехали, тоже продается. Но дорого.

Вещь была ценной для разведки, но когда эвакуация будет закончена, от нее неплохо бы избавиться – поддерживать ее в рабочем состоянии долго не получится, да и топлива много жрет.

– Ну, наркоманов у нас нет, – подумав, сказал подполковник. – Без побрякушек и камней наши бабы пока обойдутся. А остальное пригодится. Машинка ваша тоже. Сторгуемся. Я так понимаю, с собой у вас грузов нет?

– Нашел дурака.

– Обижаешь, – Дмитрий отхлебнул уже подостывшего чаю. – Осторожные, значит. Ну, встретимся еще раз, здесь же.

– Встретимся, – сказал Демьянов, поставив пустой стакан и протягивая хозяину пачку бумаг. – Вот распечатка, это все, что у нас есть на складе. Определяйтесь, а через день мы привезем груз.

Естественно, в список было включено только то, что не было нужно Убежищу, или, по крайней мере, то, в чем оно не нуждалось остро.

– Неслабо, – Иваненко пробежался взглядом по списку, отметил карандашом отдельные пункты.

Пять минут спустя он протянул его майору, успевшему за это время выпить кружку чая и съесть пару печенек. От водки отказался.

– Готовьте товар. Учти, мы его внимательно посмотрим, так что не пытайтесь спихнуть фуфло, – вроде бы в шутку сказал майор.

– Обижаешь, – повторил Дмитрий.

– На обиженных воду возят.

Хотя на радиоволны теперь полагаться было нельзя, они договорились поддерживать связь. Затем главы двух делегаций попрощались и разъехались в противоположные стороны.

* * *

Примерно через неделю после случая на реке Богданов, который только что вернулся с разведывательной операции, столкнулся с майором в главном коридоре.

– Сергей Борисович, мы завтра в наш старый лагерь хотели наведаться. Забрать кое-какое снаряжение.

Женщин и детей «параноики» давно перевезли в Убежище, как и все транспортабельные грузы.

– Придется отложить, – Демьянов знаком пригласил следовать за ним в «командный отсек». – Тут у нас как раз совещание. Вы мне понадобитесь. Это гораздо важнее.

Здесь почти ничего не изменилось с первого дня, только побелили потолок, а на пол настелили линолеум. В стремлении сделать интерьер поуютней постелили бы и ковер, если б тот не собирал пыль, от которой здесь маниакально стремились избавиться. Поэтому коридоры и помещения всегда были чисто вымыты.

В пункте управления, где часто яблоку было негде упасть, сегодня собрались всего пять человек, тех, от кого зависела жизнь Убежища. Повод, по которому собрались, был не очень радостным.

– Так что, доктор, значит, это было отравление? – спросил майор, буравя взглядом главного медика.

– Пожалуй, что так, – кивнул Михаил Петрович Вернер. – Алкогольная интоксикация.

– Вовремя, – зло бросил Демьянов. – Не мог он, что ли, в другой день…

И замолчал, хмуро глядя на карту на стене.

– Значит, – начал было Колесников, «министр обороны» Убежища, – вы теперь комендант? Поздравляем, Сергей Борисыч.

– Значит. Но идите вы в жопу, господа, со своими поздравлениями, – не очень дипломатично ответил майор. – И нечего пустяками заниматься. Я вас не для этого собрал.

– Сергей Борисович, можно мне идти? – поднялся с места доктор. – У меня операция. Все равно я вам не помощник.

Демьянов взглянул на него поверх очков. Заседание штаба больше напоминало неформальную беседу, поэтому он не сказал «Можно Машку за ляжку и козу на возу, а старшему по званию извольте говорить „разрешите обратиться“», просто он коротко кивнул.

После того как Вернер ушел, Демьянов встал и подошел к карте, занимавшей полстены. Хотя надобности в этом не было.

– Вот здесь, – он ткнул пальцем в точку на карте. В этом месте не было отмечено ничего, только лес и дорога. – Их немного, но у них полно топлива, патронов, еды. Они там хорошо закрепились. Мало кто из гражданских знает об этом месте, поэтому от толпы им отбиваться почти не приходилось. У нас на позавчера намечалась сделка, но в назначенное время они не откликнулись, – продолжал Демьянов. – А десять минут назад вышли на связь. У них уничтожено полбазы к собачьей матери. Теперь на них прут со всех сторон гражданские, готовые припомнить им все хорошее. С тех пор они молчат и, похоже, будут молчать уже всегда. Вот такая диспозиция.

На целую минуту в центре управления установилась тишина.

– Вы предлагаете помочь? – произнес, наконец, Богданов, сидевший рядом с Петром Масленниковым, бывшим следователем, исполнявшим почти в одиночку функции службы безопасности.

– Видишь ли, Вова, даже если бы хотел, не смог бы. Ну, сколько человек мы туда сможем бросить? Сорок? Пятьдесят? Если они сами не справятся, наша помощь уже погоды не сделает.

– Я тоже об этом подумал. Но если не помощь, то что? Друзей надо выручать.

– Друзья… Нет теперь друзей. Мы им предлагали объединяться на хороших условиях. Как вам. Они отказались. Что посеешь…

– То и пожрешь.

Здоровяк Колесников не сдержал смешка.

– Верно. К тому же, чует мое сердце, они уже покойники. Вот мы и хотим поживиться тем, что осталось.

– А вы циник, товарищ майор, – пробасил Колесников.

– С волками жить… – вздохнул майор. – Ладно, пошли одеваться. Сам с вами поеду. А как вернемся, объявим народу о смене власти. Петр, ты остаешься за главного.

Бывший опер кивнул.

– Олег, Володя, отберите людей, – продолжал майор. – Все нам не нужны, только самые надежные. Человек пятьдесят хватит. Вооружение – лучшее. Возможно, придется вмешаться в «спор хозяйствующих субъектов». Выезжаем через двадцать минут, а то без нас все соберут.

Очередная поисковая операция началась. «Поисковыми операциями» у них назывались мероприятия по поиску продуктов, а не уцелевших людей. Каждый, кому приходилось вести домашнее хозяйство, знает, что еда имеет свойство расходоваться моментально и незаметно. А их «семья» состояла из пяти тысяч человек.

До этого они перебивались случайным уловом – несколько грузовиков с черствым подмокшим хлебом, пшеница из перевернувшихся хопперов возле железнодорожного моста (если снять радиоактивный верхний слой, ее можно есть без опаски), туши околевших от холода и бескормицы коров на ферме рядом с Матвеевским, недозрелые овощи с колхозных полей да чудом забытые остатки в контейнерах с рынка на Гусинобродском шоссе. Эти источники уже иссякли, но путем жесткого рационирования они умудрялись поддерживать запас продуктов на отметке в три месяца.

И все же этого было удручающе мало, если вспомнить, что следующего урожая ждать минимум год. Поисковые группы неутомимо рыскали по округе в поиске добычи. Все значительные запасы продовольствия на складах и в магазинах были или растащены, или прибраны к рукам. Иногда Убежищу удавалось выменять немного продуктов в обмен на то, чем оно было богато. Порой поисковикам получалось подстрелить какую-нибудь живность.

Демьянов все еще не мог поверить в удачу. Он думал не только про пулеметы. Еда была едва ли не важнее. Они ехали за добычей, которая могла обеспечить их на долгие месяцы вынужденного бездействия. Метеоролог из Убежища предрекал приближение невиданных холодов.

* * *

Ожидая донесения от разведчиков, Демьянов вспоминал свои впечатления от Базы, какой она увиделась ему четыре дня назад, когда, уже после окончания переговоров, рассмотрел ее в бинокль ночного видения.

Крепость. Сначала он решил, что штурмовать ее без тяжелой техники – гиблое дело. Покрошат в капусту из пулеметов, и пикнуть не успеешь.

На территории в четыре-пять гектаров, огороженной крепким железобетонным забором – около двадцати зданий. Гаражи, склады, – типовые бетонные коробки высотой с трехэтажный дом, без окон, с крышами из рифленого железа. Определил тогда Демьянов и три двухэтажных казармы, и здание штаба – Г-образное, в три этажа. Именно там, наверняка, и сидели все господа-генералы. Тепло им, поди, было, негодяям – собственная котельная под боком. Топливом для генератора тоже явно не были обделены.

Но не это тогда привлекло внимание майора, прильнувшего к окулярам прибора, который окрашивал все не в зеленый, а в темно-синий цвет. Надо было отдать Артуру должное – его люди не сидели сложа руки. Базу превратили в укрепленный форпост по всем правилам фортификационной науки. Подъездную дорогу и окружающую гладкую как стол низину вокруг осторожно прощупывали несколько прожекторов, установленных на настоящих оборонительных башнях. Поверх двухметрового забора пустили «егозу». КПП укрепили бетонными надолбами и плитами, позаимствованными с какого-то панелевоза, само сооружение обложили со всех сторон мешками с песком. Из мешков торчал ствол крупнокалиберного пулемета. В ключевых участках обороны были оборудованы дополнительные огневые точки – позиции для четырех БТРов, занимавших их по тревоге.

Так выглядело это место на прошлой неделе. Теперь это были руины, подсвеченные отблесками пламени. Запах гари долетел до поисковиков вместе с

едким дымом, стоило только смениться ветру.

База горела совсем недавно, поняли они спустя секунду, переведя бинокль туда, где раньше находился штаб. Пожар утих, и над пепелищем стелился дым, который в окуляре прибора выглядел как светящиеся струйки, поднимающиеся над землей. И все же вокруг было довольно светло – то ли в отдельных очагах огонь еще находил себе достаточно пищи… то ли кто жег костры.

Груды развалин, в которые превратились здания штаба, гаража и казарм, не давали ответа на главный вопрос: «Кто тут теперь хозяин?» Однако группы вооруженных людей, хаотически перемещавшихся по территории, не оставляли сомнений.

«Похоже, нас опередили», – мелькнуло в голове у майора.

Майор не собирался гадать, что же здесь произошло. Какой-нибудь герой-одиночка мог забраться в кабину грузовика с промышленной взрывчаткой и протаранить ворота цитадели на манер исламских фанатиков. Но это чушь, уж очень легкую мишень представляла бы собой бомба на колесах.

Могли рвануть боеприпасы… но это тоже вряд ли, все ж таки ребята не были чайниками. Могли загореться и рвануть бензин или дизтопливо – от сигареты или шальной пули. Или кислородные или пропановые баллоны – мало ли что они там сваривали при строительстве. Или просто котел в подвале. Причем рвануть мог без всякой стрельбы – допустим, новые хозяева в послепобедной эйфории оставили его без присмотра, давление дошло до красной черты, и привет…

Но ни в одном из этих случаев не было бы взрыва такой силы и пожара, захватившего такую площадь. Здания разметало как карточные домики, и обломки наверняка собрали немалый урожай жизней. Но склады уцелели. И теперь именно возле них виднелось больше всего темных фигурок. Люди стояли так плотно, что образовывали толпу. Ворота были распахнуты настежь.

Видимо, там, внутри, и находилась основная масса захватчиков. По территории их ошивалось всего двести-триста. Всего человек пятьдесят с оружием, да и у тех были в основном охотничьи ружья и как максимум помповики. Несколько человек в гражданских лыжных куртках и пуховиках прохаживались с явно

трофейными автоматами. Даже на таком расстоянии майор видел, что они держат их как швабру. И походка нетвердая. Конечно, у Дмитрия тут и продукция ликероводочных заводов была. Ну, или хотя бы цистерна спирта.

Идиоты. Кто в лес, кто по дрова…

Возможно, организация у них и была поначалу. Но то ли вожак погиб при штурме, то ли его убили во время дележа… так или иначе на данный момент войско распалось и превратилось в толпу.

«Тем лучше, – подумал майор. – Тем лучше»

Сейчас тут был сплошной раздрай: кто-то просто бестолково слонялся по территории, кто-то грелся возле костров, а кто-то уже дрых рядом, рискуя подпалиться. Но большинство явно было занято тем, что потрошило содержимое «ангаров».

В этот момент до наблюдающих докатилось эхо ружейного выстрела. Потом еще одного.

Кто-то то ли палил в воздух, то ли с кем-то сводил счеты.

Ни часовых на вышках, никакого подобия охраны или патрулей. Демьянов довольно крякнул, потирая руки – диспозиция складывалась удачная.

А это еще что? Посреди расчищенной площадки друг против друга застыли два трактора «Беларусь», за которыми волочились стальные тросы с какими-то обрывками одежды, ошметками… Подкрутив резкость, майор узнал шапку и цивильный полушубок, который был на его бывшем однокашнике во время последней встречи. Все подручные Иваненко тогда щеголяли в камуфляже.

В этот день Демьянов впервые увидел жертву казни, похожей на ту, которой когда-то казнили Ивана Сусанина. История не сохранила имени того, кто додумался до этой жестокой забавы. Казнимого привязывали стальными тросами за ноги к одному трактору, за руки к другому. Затем трактора трогались с места – медленно, так что обреченный видел, как разматываются и натягиваются тросы… Если очень повезет, человек умирал от болевого шока.

Если нет, успевал почувствовать, как рвется пополам. Конечно, Дмитрий Иваненко был мразью, но вряд ли он заслужил такой конец.

То, что люди Убежища сделали потом, сошло бы за месть, если б не было продиктовано трезвым расчетом.

Они обрушились на ничего не подозревающий лагерь как вихрь. Игры в гуманизм закончились: Демьянов видел, как идет дележка продуктов, как выносят из ангара коробки, и возле них тут же закипает свара. На глаз он оценил численность врагов. Никаких личных обид, но это были именно враги, уже потому, что завладели едой, которую Демьянов сотоварищи хотели добыть для тех, кто остался в Убежище. Для своих женщин… Жизнь брала свое, и одиноких к тому времени в Убежище почти не осталось. Трудно сказать, что было тому причиной: инстинкт или потребность в человеческом тепле среди хаоса смерти. Сам майор тоже сошелся с одной вдовой, хотя даже про себя не называл ее пока женой.

Ладно, хватит лирики…

Люди Убежища приблизились незамеченными вплотную к полуразрушенному забору. Все заняли удобные позиции для стрельбы – кто-то лег, кто-то приготовился стрелять с упора.

По сигналу из десяти подствольных гранатометов ГП-30 накрыли скопления людей, слонявшихся по территории и плотные группки у костров. Ночь наполнилась взрывами, истошными воплями и беготней. Одновременно четыре снайпера с СВД[8 - СВД – снайперская винтовка Драгунова, советского и российского производства, под патрон 7,62 ? 54 мм.] через проломы в стене сняли заранее выбранные цели – тех, кто производил впечатление вожаков. И тут же выбрали новые – того, кто не застыл и не побежал, а вскинул оружие. Таких оказалось мало: многие на той стороне, похоже, были пьяны или слишком заняты дележкой. Оружие было едва ли у каждого второго, и в основном это были ружья.

В разведгруппе Убежища насчитывалось едва ли шестьдесят человек, но они были лучше вооружены и организованы, у них были приборы ночного видения, а остальное решила молниеносность атаки. Первыми выбивали вооруженных

автоматами и вменяемых врагов. Только когда преодолели периметр и оказались на территории части, где снег был черным от копоти, в ответ ударили несколько автоматов и нестройный хор гладкостволов. Майор видел, как в его группе упал человек, но тут же поднялся, матерясь и держась за ногу. Кто-то уже достал перевязочный пакет и вкалывал промедол.

Сам майор вперед не лез, но и от своих не отставал. Перестрелка происходила уже среди обгоревших развалин. С той стороны крики непонимания и мат сменились воплями страха. Многие бросали оружие, но в горячке боя это не всегда спасало им жизнь.

Все шло без сучка без задоринки до того момента, когда бой переместился под крышу первого уцелевшего склада. Здесь у нападающих появились первые потери.

Тем не менее через двадцать минут все было кончено. В руки к атакующим попали кучи трофеев, которые собирали на месте, и обезоруженная толпа человек в сто. Почти столько же лежали на земле, остальные разбежалось. Пленных обыскали, загнали в пустой гараж и заперли, приставив караул.

Майор и его люди еще не пришли в себя после кровавой бани, а обстоятельства уже требовали быстрых действий. Если бы целью рейда была помощь «союзникам», можно было бы сказать, что они опоздали. Чем дальше они углублялись на территории, тем больше им попадалось тел в камуфляже. Большинство из них имели ожоги и раны, которые могли нанести только летящие осколки. У других видимых повреждений не было, но на лице была запекшаяся кровь, которая дорожками тянулась из глаз, носа и ушей. И только у очень малого числа были ножевые и пулевые раны. Похоже, большинство погибло еще до нападения банды.

После того как вмешалась таинственная третья сила, разнеся вдрызг бетонные и кирпичные здания, остаткам гарнизона не помогли даже пулеметы. Без генераторов погасли прожектора, надвинулись темнота и холод. Но смерть, как понял майор, явилась в человеческом облике.

Наконец, поисковики пробились к развороченным дверям в складские помещения, где штабелями стояли картонные коробки и ящики. От одного взгляда на те, что были распечатаны, у жителей Убежища перехватило дух.

Столько продуктов сразу они не видели давно. Бойцы части явно обчистили в первую неделю несколько оптовых складов.

Возле ящиков с провиантом валялись изуродованные трупы.

– Зверье, – с трудом выговорил майор.

– Может, и зверье, Сергей Борисыч, – сказал Богданов, догнавший их со своим отрядом у самых ворот. – Но Иваненко-то правильно порвали.

– Ты что несешь?

– Мы тут разговорили одного аборигена. Он сообщил кучу интересного. На третий день тут бойня была. То ли беженцы попытались прорваться на базу, то ли приходили под стены еду выпрашивать. Кто-то самый смелый попытался перелезть через забор. Думали, не будут стрелять. А когда ударили из пулеметов, толпа побежала… Часть тел они свалили в овраг, а еще больше оставили лежать.

Демьянов слушал молча.

– Это еще не все. Через неделю, когда уже было темно, беженцы вернулись. Когда очень хочется жрать, про страх забываешь. И напоролись на минное поле. Уж не знаю, когда наши друзья его успели развернуть, но нам очень повезло, что снега нападало много, и что он не рыхлый.

«А мы ходили по их телам, – подумал Демьянов. – И по неразорвавшимся минам. Да, повезло. Но с машинами надо быть поосторожнее»

Он думал, что все, что можно, уже пережил и увидел. Ан нет. Перед его мысленным взором возникла толпа худых как скелеты людей. Они сгибались, пошатывались от ветра. Передние ряды шли, проваливаясь по колено, но задним доставалась протоптанная дорожка; тысячи пар ног приминали снег, оставляя за собой почти чистое шоссе. Но ненадолго – буран сделает свое дело. Идти нелегко. Слабые отстают: то один, то другой спотыкается, кое-кто валится как сноп на обочину. Некоторые не могут подняться, но никто за ними не возвращается. Вот уже до забора осталось всего ничего…

Луч прожектора режет глаза как ножом – их заметили. С той стороны ограждения тепло одетые и сытые люди не стреляют, а лишь смотрят и ждут.

Вот раздается первый взрыв. Толпа откатывается назад, воя от ужаса и боли. Падают иссеченные осколками – мертвые и искалеченные. Из-за забора слышны смех и подначивания. Да, психика вещь такая. Она защищается как умеет, майор это знал по себе.

Потом отдельные выстрелы, которые уже не нужны. Беженцы и так бегут. Толпа разбегается и исчезает, чтоб через несколько часов или дней попытать счастья в другом месте. Выбора у них все равно нет. Когда они удаляются, несколько бойцов-контрактников, опасливо оглядываясь, проходят вдоль дороги. Трупы не обыскивают. Легкораненых добивают прикладами и штыками, хотя патронов у них еще много. На тяжелых даже не тратят сил.

И вот в один прекрасный день вся эта дрянь взлетела на воздух. Наверно, бог все-таки где-то там есть. И банда ошалевшего от собственной наглости сброда добивает тех, кто уцелел. Может, и банда из числа тех же беженцев. Да и как определишь грань?

Майор вспомнил, как еще ребенком прочитал в одной книжке про поедание мяса травоядными. Да, такое бывает. Северные олени, когда им не хватает кальция, едят птенцов полярной чайки. Овцы, кролики, даже маленькие зерноядные птички могут от бескормицы лизать кровь.

Ворвавшиеся на склад топтали и били военных ломами и лопатами, превращая тела в кровавую кашу, развешивали на арматурах забора как елочные игрушки. Остатки осажденных заперлись в трех складах и держались некоторое время, пока нападавшие не высадили ворота бульдозером.

– Ладно, хватит сопли жевать. Давайте определим фронт работ.

Разведгруппе Богданова поручили продовольствие. Разведгруппа Колесникова занялась материальными ценностями, топливом и транспортом.

В одном из уцелевших гаражей нашлись два армейских грузовика «Садко» и две армейских машины МТЛБ[9 - МТЛБ (Многоцелевой тягач легкий бронированный) – советский плавающий бронетранспортёр. Предназначен для

буксировки прицепов, перевозок людей и грузов, а также для монтажа различного оборудования. Противопульная броня. Существует множество модификации, от инженерной машины до артиллерийского радара-локатора.], правда, со снятым вооружением. На территории части обнаружились автоприцепы и трактора ДТ. Вместе с их собственным транспортом этого должно было хватить, чтоб перевезти если не все, то хотя бы половину того, что было на складе. А МТЛБ или «маталыга», как ее еще называют – вообще бесценная вещь. Теперь у Убежища впервые появилась боевая техника. Остается только поставить на них пулеметы Калашникова в танковом исполнении, и с бандами можно будет разговаривать по-другому.

Чтобы не стоять без дела, Демьянов включился в переноску тяжестей. Они выносили коробки на асфальтированную площадку перед складом. Снаружи уже рычали дизеля – это маневрировали среди развалин, оставляя борозды в снегу, грузовики и тягачи. Как только подъехал первый из них, началась погрузка.

– Двести восемь единиц, – сказал Колесников, вернувшийся с осмотра трофейного оружия. – Пять «Утесов», один «Корд». Ну и так, по мелочи, много. Один мой любимый АГС-30[10 - АГС-30 – автоматический станковый гранатомет, калибр 30 мм.]. Выстрелы для него. «Семерки», двенадцать цинков, «пятерки» десять. Ну и для крупняка семь, один, правда, неполный. Гранат тоже немало. Милые такие, ручные. Нашли бы больше, да некогда трупы шмонать.

То, что они нашли, было сущими крохами, хорошо если одна двадцатая от того, что могло быть у части. Похоже, после взрыва, подозрительно похожего на ракетный обстрел, между защитниками произошла свара, и часть уцелевших ушла в неизвестном направлении, забрав лучшую технику, в том числе инженерную – кто бы иначе расчистил им дорогу? Погрузили в несколько грузовиков боеприпасы, прихватили с собой и пару автоцистерн – всё армейское кушает соляру с большим аппетитом. Но оставшиеся все равно должны были быть полными дундуками, иначе эти махновцы бы не прошли.

С другой стороны, и это оружие – клад. Майора очень порадовали пулеметы, но еще больше – станковый гранатомет. Это был просто отрыв башки. Их счастье, что бандиты или не умели им пользоваться, или просто не успели до него добежать.

– «У наших были пулеметы. Сведи-ка с пулеметом счеты…», – промурлыкал он себе под нос, проходя вдоль борта последнего «Урала».

– Смотрю я на вас, Сергей Борисович, и дивлюсь, – Богданов, оказывается, все слышал. – Маскируетесь под солдафона, но иногда выражаетесь как натуральный интеллигент. Киплинга вон цитируете.

– Да какой я интеллигент, Вова. Могу и в морду дать. Просто было время в жизни, когда книжек читал много. Потому что больше делать было нечего. Разве что пить. Так-то.

– Товарищ майор, – подбежал боец, отправленный на чудом уцелевшую вышку, чтобы следить за окрестностями. – По шоссе идет колонна. Будут здесь через пятнадцать-двадцать минут. Пешая колонна, – уточнил он.

«Да уж не конная».

– Сколько их?

– Много. Тысяча, а может, полторы.

– Пойдем, поглядим, – позвал майор с собой командиров групп и обернулся к грузчикам: – Берите самое ценное сейчас. Второго рейса может не быть.

Они по очереди вскарабкались по лестнице и оказались на шаткой деревянной площадке. Майор навел бинокль на уходившую вдаль ленту дороги и поежился.

– Вот зараза, – пробормотал он, передавая Богданову бинокль. – Заканчивайте и быстрее заправляйте машины. Надо сматывать удочки, через четверть часа тут будет пол-Новосибирска.

Майор понял, с кем им предстоит воевать. На них шла толпа, но это была не бандгруппа. Там были женщины, дети и больные. Оружия не было видно ни у кого, и от одного взгляда на тощих, как узники Бухенвальда, людей, сердце разрывалось.

Демьянов смотрел, как грузчики из Убежища лихорадочно переносили мешки в машины, в нем нарастал глупый и смешной протест. Он давил его, загонял вглубь, но тот упрямо рвался наружу. Чувствуя, как боль в груди становится все острее, Демьянов облокотился на колесо. К счастью, никто не видел, как

исказилось в этот момент его лицо, а через мгновение он сумел взять себя в руки. Но в ушах шумело, перед глазами было темно, хотя кругом мелькали фары и огни фонарей.

– «Утесы» есть, удержимся, – издалека донесся голос Колесников.

– Отставить пулеметы, – максимально твердо произнес майор. – Второй рейс нам все равно не сделать. Берем, что погрузили, и уходим.

Глава 3. Засада

В тот день они сорвали банк. К ним перешло почти триста тонн продуктов – крупы, мука, овощи, растительное масло, консервы, сладости. Этой едой можно было кормить большой город пару дней или маленький – в течение месяца. У людей из Убежища аппетиты были еще скромнее, значит, им хватит на полгода. Пока холод будет им союзником. Вокруг, куда ни плюнь – природный холодильник.

Они не выгребли склады подчистую – часть еды была признана малоценной, другая забракована как подпорченная. После термической обработки и за отсутствием альтернативы эти сосиски, салями и «докторская» сгодились бы, но как раз сейчас у них альтернатива была. Показательно, что даже когда эти мясопродукты начали попахивать, хозяева склада не отдали ни ящика беженцам, умирающим в нескольких километрах от базы. Может, боялись высунуть нос за периметр, а может просто душила жаба.

Теперь, уезжая, волей-неволей пришлось оставить немало продуктов, даже не считая испорченных. Но Демьянов прекрасно понимал, что для такой оравы это все равно, что ничего, и лишь продлит их агонию.

То, что начинается хорошо, не может пройти безоблачно. Это аксиома, проверенная веками практики. Демьянов не зря опасался именно этого района.

Колонна была уже почти на месте. Большую часть пути они проделали пустырями, узких улиц избегали.

Морской проспект был широк, как и все улицы городов, проектировавшиеся в 50-60-х с учетом возможного нанесения ядерного удара. Широкие проспекты, зимой открытые всем сибирским ветрам, прокладывались не для того, чтобы радовать глаз. Они должны были защитить от эффекта «огненного шторма», помешать распространению пожаров и дать возможность военной технике маневрировать среди развалин.

Беда в том, что в хрущевские годы никто даже в страшном сне не мог предвидеть повальной автомобилизации, которая привела к кошмарным пробкам в Москве еще в конце прошлого века. До Сибири это волна докатилась позже, и не такая сильная – все-таки тут не было узких переулков, строившихся из расчета на кареты и телеги. Но когда в быстроразвивающемся городе на каждого жителя приходится по автомобилю, это в любом случае создает проблемы.

Катастрофа случилась в субботу днем, и совсем не в час-пик, а когда большинство работающих граждан еще не закончили рабочий день. За считанные минуты с момента объявления сигнала «Внимание всем», многие успели вывести свой транспорт из гаражей. Самым шустрым удалось пересечь черту города и выехать на одну из трасс (М-51, М-52, М-53, К-12, К-17р, К-19р). Впрочем, даже они недалеко уехали – тех, кого не догнал взрыв, достал импульс.

Хаотичные перемещения не только моментально закупорили мосты, но и создали многокилометровые пробки у въездов на каждое из шоссе. Там их настигла волна ревущего пламени.

Не придумаешь более подходящего места для засады, чем постъядерный город. Куда там Грозному. Майору больше беспокойства внушали даже не развалины, а более-менее сохранившиеся дома. Плюс улицы были плотно забиты транспортом, в котором они с трудом проделали узкий коридор. Настолько узкий, что даже две легковушки могли разъехаться с трудом.

Мышеловка. Одну машину подпалят, и остальные будут как на ладони. Видимость – крайне затрудненная, что тоже сыграет на руку тем, кто сидит в

укрытии и четко знает, куда стрелять.

Проехать незамеченными через весь район невозможно. Оставалось надеяться, что пронесет, что не посмеют, испугаются, как волки, числа.

Не пронесло. Посмели.

Глупо обвинять охранение в том, что оно проворонило угрозу. Скорее уж себя – за то, что накаркал. В каждую квартиру не заглянешь. Вернее, теоретически можно, но из-за этих проволочек колонна добиралась бы до Убежища дня три, и не факт, что добралась бы вообще. Но грамотная засада и в этом случае могла сработать. Задача передового походного охранения заключается в том, чтобы сразу же засечь, откуда ведется огонь, и принять первый удар на себя, чтобы снизить потери в колонне и дать время вступить в бой основным силам.

Должно быть, эти твари сидели тихо по квартирам, пока снегоходы и половина колонны не прошли мимо них и не свернули на улицу Ильича. В это время они распределяли цели, брали оружие наизготовку. И как только третий по счету грузовик втянулся между двумя почти целыми девятиэтажками, началась иллюминация.

Первый взрыв прозвучал далеко впереди. Темноту прорезала вспышка.

Где-то рядом дико заверещали тормоза. «Полярный лис», который играл роль КШМ и шел в хвосте колонны, вильнул, чтоб избежать столкновения – идущий впереди ЗИЛ резко сбросил скорость, а затем и вовсе дал задний ход, чуть не поцеловавшись с «Лисом».

И было от чего останавливаться. Демьянов увидел, как от домов по обеим сторонам проспекта к ним протянулись цепочки трассеров. Стреляли, по крайней мере, из двух десятков окон.

Пытаясь избежать столкновения, водитель вездехода легко оттолкнул усиленным нештатно бампером каркас малолитражки и заехал за гигантский рекламный щит с остатками слогана страховой компании, лежавший на боку. «Ваша безопасность – наше кредо» – мелькнули в свете фар гигантские буквы. В

следующую секунду опомнившийся водитель погасил фары, и прожектор на крыше, сиявший как елочная игрушка. Теперь щиты рекламы прикрывал их от неизвестного врага.

Схватив с сиденья автомат и сунув в нагрудный карман рацию, Демьянов выпрыгнул наружу – водитель без напоминания сделал то же самое на полсекунды позже.

Майор еще в машине оценил обстановку и сориентировался быстро – выскочив наружу, он оказался прикрытым с трех сторон – щитом, мертвым внедорожником и высоким силуэтом «Лиса». Отсюда хорошо просматривалась вся улица, а сам он был почти в безопасности.

Рация оказалась бесполезной: он не смог докричаться ни до кого. Да и что толку? Прижатые огнем со всех сторон, его люди могли и не воспринять его команды. В горячке огневого контакта он только помешал бы бойцам принимать верные решения, самим ориентироваться в боевой обстановке. Лучшее, что он мог делать сейчас – это не играть в Рокоссовского, а попытаться выжить и помочь тем, кто был в пределах досягаемости.

К нему подбежали несколько человек, в которых Демьянов не без труда опознал своих. Они перебирались ближе к дому, действуя по принципу: «один бежит – второй прикрывает».

В этот момент громыхнуло уже ближе, и к небесам взметнулся ярко-оранжевый факел. Взлетел на воздух один из грузовиков. Залепили в бензобак? Или из РПГ шарахнули, сукины дети. Да еще, поди, в тот, где гранаты были.

Кто-то погиб прямо у порога родного дома. Сгорел или посекло осколками. Семерых они похоронили там, на Базе, обрушив бульдозером стену, и вот – новые потери.

На одной фуре, не соблюдавшей дистанцию с той, подбитой, загорелся тент. Плохо.

Но не следовало падать духом. Бинокль был при нем – захваченный на базе тепловизор – и, окинув «вооруженным» взглядом колонну, майор с удовлетворением отметил, что паники нет. Никто не бегал с криками от машины

к машине, рискуя быть подстреленными своими же. Жители Убежища ворон не ловили. Не мешая друг другу, не попадая на линию огня противника, они тактически-грамотно организовали оборону, плавно перешедшую в контратаку. То есть делали именно то, что требовалось. Залегли под прикрытием фур и отстреливались, используя все неровности пост-городского ландшафта.

Несмотря на это хаотичное смешение вспышек света, криков и грохота, майор вскоре стал угадывать в происходящем некую логику.

Вот «наши» – растянулись широким полукругом и огрызаются на каждый вражий выпад. Четыре огненных дуги – это четыре маленьких отряда. Ближайший возглавлял один из бойцов Богданова, фамилию его он забыл, но звали его Максим, и он прошел Третью Чеченскую – его голос майор узнал во время переклички, когда грохот выстрелов на время стих. Два других очага сопротивления образовались вокруг Колесникова и вождя параноиков. Где-то далеко, там, где скрылся пропущенный врагами авангард, тоже шла стрельба. Дозор, похоже, не сплоховал, и уже атаковал противника с фланга. Но их было мало, и все, что они могли сделать, это отвлечь на себя часть внимания и огня.

Хорошо держались ребята. Надо же: он до сих пор подсознательно делил людей из Убежища на «своих» и «богдановских». Хотя и те, и другие были «своими».

А вон «не наши» – в нескольких девяти– и двенадцатиэтажных домах с обеих сторон дороги. У них один или два пулемета, но, похоже, не крупнокалиберные.

Демьянов особого боевого опыта не имел, но худо-бедно держал свой участок обороны вместе с десятком человек из ближайших машин.

На какой-то миг картина боя показалась не лишенной какой-то особенной, жутковатой красоты. Но он тут же забыл об этом, когда рядом с ним упал водитель «Лиса», молодой парень. Точно наповал – отшвырнуло далеко, и даже не вскрикнул. Крови сразу натекло с литр. Его даже не смогли оттащить, огонь был слишком плотный.

Демьянова смерть пока обходила стороной. Кому на роду написано сгореть, не утонет, думал майор.

Только после того, как все вокруг нашли надежное укрытие, он крикнул бойцам беречь боеприпасы.

Стрельба с той стороны тоже заметно поутихла. Нападавшие больше не видели открытых целей, к тому же вступили в игру четыре снайпера Убежища. Именно они и размочили счет, заставив супостатов пожалеть, что те пересеклись с ними в пространстве и времени. Ядерная зима не была для снайперов помехой – на винтовки Драгунова, вместо штатного ПСО-1 были установлены ночные прицелы. Вскоре огонь из окон прекратился окончательно.

На время установилось что-то вроде шаткого равновесия, но позиции сторон все равно не были равноценными. Оборонявшиеся заняли круговую оборону и были прижаты к земле, в то время как неизвестный противник обладал свободой маневра.

Воспользовавшись затишьем, попавшие в засаду установили связь между отдельными группами. По цепочке передавались сведения о количестве уцелевших, о том, как обстоит дело с патронами. Демьянов несколько воспрянул духом. Все складывалось не так уж плохо. Да, они потеряли каждого четвертого, но для столь внезапной атаки это не много. К тому же время играло им на руку. Поле боя окутывала тьма. А враги не могли быть поголовно с приборами ночного видения.

Словно в ответ ему, глаза резанула новая вспышка, и со стороны оставленной колонны долетел тяжелый грохот. Демьянов заскрежетал зубами от злости, догадавшись, что взлетела на воздух еще одна машина. Точно – РПГ. Следовало что-то делать, иначе все жертвы этого дня будут напрасными. Они и так уже потеряли минимум треть груза.

Надеяться на то, что удастся связаться с Убежищем и вызвать подмогу, было глупо. Оставленный за старшего бывший опер, узнав о перестрелке в парке километров от Убежища, приказа выдвигаться всеми силами не отдаст. Сначала пошлет разведку. А это время, время…

Справа послышалось какое-то шевеление. Приглушенный голос: «Свои, мужики!». Над искореженным до неузнаваемости кузовом малолитражки поднялась черная рука. Низко пригибаясь, к Демьянову пробрался один из бойцов Колесникова.

Тот предлагал идти на прорыв к левой стороне дороги. Она была ближе, и огонь оттуда велся не такой плотный. Обещал поддержать огнем крупного калибра. Дипломатичен старший лейтенант, ничего не скажешь. Не ставит его, простого хозяйственника, перед фактом, как человек, имеющий боевой опыт, а просто «предлагает». Не колеблясь, Демьянов дал свое согласие и передал план дальше по цепочке бойцам, которые засели чуть дальше.

А потом, по сигналу, он и его бойцы покинули укрытие. На месте остался только снайпер. Сигналом стал выстрел из АГС, который вместе со станком кто-то из богдановских успел оттащить от колонны на закорках – им вдребезги разнесло остатки остекления на одном из балконов, где было замечено движение. В ответ из нескольких окон на то место, где засел гранатометчик, обрушился настоящий свинцовый дождь. На какое-то время на расчет АГС из двух человек переключилось внимание врагов, но, отстрелявшись, он уже сменил позицию.

Им повезло. Первую половину пути они преодолели незамеченными, петляя среди сгоревших автомобилей и пригибаясь к земле. Пожары к этому времени практически погасли, горела только подожженная последней «Шишига». Демьянов уже было подумал, что, удрученные потерями, налетчики отступили, когда со стороны здания прогремел первый выстрел. Людям из Убежища пришлось залечь.

Дом этот был разрушен лишь частично – да так ювелирно, что майор разглядел в тепловизор внутренности выпотрошенных квартир, где, как музейные экспонаты, стояли телевизоры, холодильники, ванны, кровати. Застывший натюрморт, хозяева которого давно сами стали натюрмортом и спали под снегом среди по-настоящему мертвой природы.

Впрочем, Демьянову было не до сантиментов – над головой носились пули, с визгом рикошетя от асфальта, росчерки искр мелькали в опасной близости. Демьянов стрелял в ответ, ловя в перекрестье прицела то одно, то другое окно, но главная партия в этой опере принадлежала крупному калибру.

За их спинами снова заговорил станковый гранатомет. Словно копер, вбивающий сваи, он начал всаживать гранаты в окна, и уже после четвертой стрельба со стороны дома практически утихла. Затем к сольному номеру гранатомета подключился «Корд», прошив бетонную стену на уровне третьего этажа, а потом

точно так же обработав квартиру на пятом. На расстоянии пятидесяти метров изделие ковровских оружейников пробивало панель как бумагу.

Одна за другой замолкали вражеские огневые точки. Только с шестого этажа лупил какой-то недоснайпер, всаживая пули в белый свет как в копеечку, но помешать им он уже не мог.

Демьянов и его люди бежали к дому. Судьба хранила их, и никого не зацепило, не считая пары царапин об острую автомобильную жесть. И вот они уже были у стен девятиэтажки. На первом этаже размещался продуктовый магазин. Оттуда явно не было хода наверх, но запасная дверь вела во двор дома. Так будет немного безопаснее, чем обходить вокруг.

Когда они оказались у входа в подъезд, богдановские на левом фланге и колесниковские на правом уже вели бой на лестницах. В такт автоматному треску громко бухало – это штурмующие пустил в ход гранаты, очищая квартиры от засевших там бандитов. Бой уже целиком переместился под крышу.

Как узнал потом Демьянов, какие-то недобитки попытались скрыться в подвале, но группа Максима закидала их там гранатами.

Быстротечные схватки в темноте кое-где переходили даже в рукопашную. Демьянов шел не первым и убил лишь одного, прежде чем все закончилось. Очередью скосил высунувшегося из квартиры бородатого мужика в камуфляжных штанах и лыжной куртке, с РПК. Второго превратили в решето сопровождавшие майора бойцы.

Третий гад в шапке-«гандончике» поднял руки, его АКМ уже лежал на полу Его это, впрочем, не спасло, потому что нервы у штурмующих были натянуты как канаты. Пленных начали брать позже.

Нет, это вам не шахиды. Их подельники из двенадцатиэтажного дома на правой стороне дороги, похоже, поняли, куда дует ветер, и успели разбежаться как тараканы. Ничего, пусть расскажут остальным.

Пленных, которых оказалось семеро, со скрученными за спиной руками, выволокли на улицу, подгоняя пинками.

Когда стихло стаккато перестрелки, удалось оценить масштабы сражения. Демьянову казалось, что их атакует, по крайней мере, рота. На деле на них напали около тридцати человек. Но, учитывая фактор внезапности и коварный городской ландшафт, семнадцать «двухсотых» можно считать потерями в пределах допустимого. Пятеро сгорели в подбитых грузовиках, девять бойцов погибли в первые минуты перестрелки, трое умерли от ран вскоре после боя. Четверо были из гарнизона – ребята, которых призвали этой весной, двое выживальщиками, а остальные набраны из укрываемых.

«Быстро научились, сукины дети, – думал майор, осматривая место, где рванул на пути колонны фугас. – Нет бы чему хорошему…»

С чадящим дымом догорали подбитые грузовики. Кое-что успели спасти, но гораздо больше пропало. Сами МТЛБ проявили себя в скоротечном бою хорошо – именно под прикрытием их брони сумело добраться до укрытия большинство выживших в головной и тыловой частях колонны.

На разостланном на снегу брезенте раскладывали трофеи – боевое оружие, и не с мобскладов. Ранен, в поредевших вдвое разведгруппах, был теперь каждый третий. Кому-то смогли оказать помощь прямо здесь, для нескольких «тяжелых» уже сооружали импровизированные носилки. По хмурым лицам тех, кто смыслил в медицине, майор понял, что перспектива у этих не очень, особенно у двоих, получивших свинец в живот. Можно и не довезти. Да и для полостных операций в Убежище условия не слишком подходящие.

Да, оттепелью воспользовались не только поисковики. Когда холод на время сменился обычным сибирским морозцем, из нор повылазили и Робин Гуды, которые отбирали все у всех. Но, будучи самым простым, этот способ был и самым опасным, потому что легко было обознаться и нарваться на большие неприятности.

– У-у-у, паразиты, – Демьянов не удержался и пнул под ребра лежавшего в позе «руки на затылке» бандита. До того мерзкой ему показалась сытая харя татуированного упыря. Майор знал, что буквально через пару часов после Удара во всех исправительных учреждениях случился «день открытых дверей». То ли кореша с воли вызволили своих, то ли сотрудники Управления Исполнения Наказаний слиняли и занялись грабежом окрестных магазинов, предоставив подопечных самим себе.

С допросом было закончено за пять минут. Не было времени на изощренные методы, но ломания пальцев и фальшивого пряника в виде сохранения жизни хватило, чтоб узнать многое. Стоит ли говорить, что никто выполнять обещания не собирался.

– Ну, что будем с ними делать? – спросил Демьянов Богданова.

– Самосуда не допустим, – ответил тот. – В Гаагу отправим.

Демьянов не удержался от горького смешка. Нет, а молоток парень. Нет, не молоток, а настоящий молот. Еще и шутит. Тут у майора возникла мысль, уже посетившая его незадолго до катастрофы. Вот живешь ты, ходят вокруг обычные люди, и никогда не узнаешь, кто из них герой, кто сволочь последняя, а кто ни то, ни се – дерьмо на палочке. В мирной обстановке каждый пыжится, строит из себя этакого брутального мачо: «да я, да я…». И только две страшные буквы ЧП расставляют все по своим местам. Это может быть и мировая война, и обычный пожар в офисном здании. Когда запахнет жареным, и все вокруг начинает валиться в тартарары, становится ясно, кто чего стоит. На его глазах многие, ходившие раньше королями, не выдержали проверку апокалипсисом, скурвились. Кто-то готов был сапоги лизать за миску супа, кто-то глотку родному брату порвать. И таких было много. Но бывали и такие исключения.

А выражение «отправить в Гаагу» тянуло на афоризм.

– Какой к хренам самосуд? – покачал головой Демьянов. – Мы теперь с тобой и судьи, и прокуроры.

– А адвоката где возьмем? – прищурился главный «параноик».

– Обойдутся черти.

– Согласен, – кивнул Владимир. – Так что, приступать?

– Давайте по быстрому. Речей толкать не надо. Вон с того краю.

Демьянов в последний раз пробежал взглядом по шеренге пленников. Крепкие парни; сытые, наглые морды. Выглядят ошарашенными, но не раздавленными.

Раскаяния на лицах не заметно. Это сейчас, когда им вломили по первое число, они притихли, но дай в руки автоматы – возьмутся за старое. Партизаны, мать их. Сколько волка ни корми, а он все на овец смотрит. И это не его вина – таким уж его природа создала. Но раз уж вы, товарищи, выбрали «путь волка», не обессудьте. Поступим с вами как с волчарами. Они, хоть и «санитары леса», но их отстреливают, если расплодятся.

Он кратко проинструктировал своих, и те охватили пленников полукольцом. Семь человек, включая Богданова и майора, достали каждый свое второе оружие – нечего было тратить патроны от автомата на эту погань. Рука Демьянова легла на кобуру, майор расстегнул ее и, вытащив «ПМ», тот самый, который был с ним еще с того времени, когда он работал охранником, снял пистолет с предохранителя. Отдал приказ кивком.

К чести казнимых, только один из них испуганно замычал. А может, остальные просто не поняли. Это было гуманно и быстро. Выстрелы прозвучали почти синхронно, и вот уже пленные замерли на грязном снегу, щедро окропив его кровью из ровных дырок в затылках. Не было даже конвульсий. Там их и оставили.

Погрузка трофеев и того, что удалось спасти из подбитых машин, уже закончилась, и они, для порядка попытавшись выйти на связь с Убежищем, тронулись в путь.

– По машинам! – облетел колонну приказ, и на время на мертвом проспекте появилось подобие уличного движения.

Майор снова должен был занять место в хвосте. Он глядел на обгорелый фасад Дома Ученых СО РАН, словно не замечая удушливой гари и ядовитых выхлопов, пока остальные экипажи участников этого авторалли один за другим занимали места в кузовах и кабинах.

Мимо него проезжали, рыча и отфыркиваясь, тягачи и тяжелогруженые «Уралы», скользили снегоходы сопровождения прямо по нетронутому снегу между сугробами, под которыми гнили тела и ржавел железный лом. Прошло минут пять, прежде чем автопоезд принял прежний организованный вид и тронулся в путь.

Не то чтобы ему было жалко эту мразь. Нет.

Своим товарищам они даже не смогли вырыть нормальной могилы в твердокаменной земле. Подвал ближайшей «хрущебы», где уже лежали обледенелые трупы нескольких семей, стал им склепом, даже тем, у кого были близкие в Убежище. Таков был порядок.

Но ему было жаль даже не их и не тех, кто их не дождется. Скорее их всех. Тех, кто теперь никогда не увидит ничего, кроме этого. «Не хочу быть ни волком, ни свиньей, – неясно к кому обращаясь, подумал он. – Дайте лучше сдохнуть человеком».

В чувство его привел сигнал «Лиса», за рулем которого сидел уже сам Богданов. Колонна уже прошла – пора в путь дорогу. Немного осталось.

Пока они ехали, Демьянов думал о результатах экспресс-допроса одного из пленных. После четвертой раздробленной фаланги тот выдал, что бандитское гнездо находилось в поселке Солнечный, рядом с наукоградом Кольцово. Судя по показаниям «языка», там скрывались еще десятка три головорезов. Хотя нет, это в прежнем мире они бы скрывались, а теперь просто жили, то ли вырезав, то ли запугав местных. Хорошо бы было нанести им дружеский визит и выжечь эту погань. Туда можно было бы отправить мобильную группу на снегоходах, благо, последних теперь прибавилось на три. Но и здесь майор счел за лучшее не рисковать. Они и так потеряли слишком много тех, кто умел держать оружие.

К тому же в самом наукограде было такое учреждение как Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор», а там изучались и содержались самые опасные микроорганизмы на Земле. Демьянов знал, что на таком объекте были специальные инструкции для дня «Ч», и почти наверняка все возбудители давно уничтожены. Но рисковать не хотелось. Только сибирской язвы и чумы им не хватало для полного счастья.

От вида родных мест стало теплее на душе. Но еще в полукилометре от цели они увидели, как над иззубренными силуэтами домов взлетела сигнальная ракета. К ним шла запоздалая подмога.

Их встречало человек триста как попало вооруженных дружинников во главе с самим Петром Масленниковым. Все были на лыжах, но на горных стрелков не тянули. Может и хорошо, что они не добрались до места засады. «Группа деблокирования» из них получилась бы никакая.

Когда они закончили перенос мешков и ящиков и спрятали машины, оживший было Университетский проспект опять стал пустынным, и только ветер завывал в пустых лабораториях, лекционных залах и коридорах, в конторах научных учреждений. Как будто никогда в них не звучали голоса людей, никогда не разносились шаги, а так и они и стояли с сотворения мира пустыми и безжизненными.

Но их это уже не касалось – они вернулись домой. Пусть на время, пусть дом был не очень комфортным… но как приятно после холода, тяжелой, грязной, а иногда и кровавой работы вновь оказаться в безопасности, даже если понимаешь, что она относительна.

Теперь не было необходимости в утомительной дезактивации – ни себя, ни добычи. Продукты с базы были в основном в герметичной таре; крупы и мука там хранились правильно, овощи тоже лежали не под открытым небом. Для порядка майор просветил коробки и мешки счетчиком – в пределах нормы – и приказал снять с круп и муки пятисантиметровый верхний слой. Также еще раз наказал всем хорошенько мыть консервы с мылом перед тем, как вскрывать, и потолще снимать кожуру с овощей. Лишь после этого началась долгожданная «раздача слонов». Но нормы, вопреки ожиданиям, почти не повысили, хотя и сделали рацион поразнообразнее – среди привезенного добра было почти четыре тонны одного только шоколада, масса печенья и других сладостей, не говоря уже о тушенке и разнообразных сублимантах.

Но баловать людей Демьянов не стал. Неизвестно, когда ждать первого урожая. Там, куда они отправятся, им придется минимум полгода полагаться только на подкожный жир. Они будут слишком далеко от крупных городов, чтобы можно было заниматься мародерством…

Глава 4. Дорога

В тот день, когда они собрались на совет, по странному совпадению вышел из строя насос скважины. И хотя механики обещали устранить поломку, было ясно, что это плохой знак.

На этот раз центр управления с трудом мог вместить всех приглашенных, и пришлось даже вынести столы, освободив место для стульев.

Председательствовал на расширенном заседании, естественно, Демьянов. Кроме руководства пришли еще почти сорок человек – различные должностные лица и научная «элита» убежища. Демьянов решил, что такое судьбоносное решение не следует принимать келейно, в узком кругу избранных. Надо было дать людям хотя бы иллюзию участия в нем. Им это было нужно.

Пока они тратили время на бесполезные разговоры, в гараже автобазы не прекращалась работа, которая уже вошла в финальную стадию. Там заканчивали укреплять борта автобусов железными листами, и теперь устанавливали пулеметы и АГС на «маталыги» за щитками, превращая их из бронированных тягачей в огневые платформы. Также два «Урала» были переоборудованы в так называемые «ган-траки» путем легкого бронирования двигателя, кабины и кунга и установки пулеметов на турелях. Получились этакие «эрзац-броневики».

Оставались сущие мелочи – надеть противобуксовочные цепи на колеса и заправить полные баки.

Сначала майор доложил, как разведгруппы обследовали Искитим, Бердск, Линево, Мошково, Колывань и как везде наблюдали один и тот же горький катаклизм. Его слушали внимательно, но, как показалось Демьянову, обреченно – мол, ведите нас, куда хотите, лишь бы там было тепло и светло. И более всего угадывалось желание не ехать никуда, аили в крайнем случае, найти новый дом как можно ближе. Они просто устали.

– Володя, тебе слово, – если б у майора был судейский молоток, он бы им стукнул, да посильнее, чтоб вывести аудиторию из ступора. Ну как сонные мухи, ей богу!

Богданов был краток и рассказал о своей последней вылазке в Тегучинский район. О том, как они обследовали райцентр и поселок городского типа

Подгорный. Он не делал никаких оценок, ограничившись фактами, поэтому уложился в пять минут, будто соблюдая регламент. Он рассказал про отсутствие в городе людей, обрисовал состояние зданий и инфраструктуры. Закончив, он вернулся на свое место.

Демьянов кивнул: все пока шло по плану. У людей в зале проснулся сдержанный интерес.

– Я там бывал до войны, поэтому обойдусь без справочника, – снова заговорил майор. – В городе есть завод стройматериалов, мукомольный комбинат, ТЭЦ. Неподалеку находится несколько крупных горнолыжных трасс, а значит и сам городок в материальном плане жил неплохо, хибар-развалюх там нет. Город обеспечен сырьем. Рядом угольный разрез. Это высококачественные антрациты. Большего нам и не надо. Металл мы плавить не будем, нефтехимией заниматься тоже. Причем сначала не придется даже добывать – к нашим услугам угольные склады. Разведка нашла рядом целый состав с углем, цистерны с мазутом, соляркой. Железнодорожное полотно в обе стороны – до Новосибирска и до Промышленной в Кузбассе – уцелело. Самое главное, у нас будет лес. Пожары туда не дошли, а промерзнуть он не успел. Расстояние от нас до него семьдесят километров по нормальному шоссе. Средняя высота тысяча пятьдесят метров над уровнем моря. Вот туда и я предлагаю эвакуироваться. Точнее, переехать на постоянное место жительства. Есть вопросы?

Как ни странно, вопросы были.

– Сергей Борисович, разрешите возражение, – поднял руку кто-то из ученой братии. Кажется, доктор наук, но каких, майор не помнил. – Нельзя ли поближе? Хотя бы из соображений безопасности.

– Зарубите себе на носу, господа, – Демьянов встал, чтоб его лучше видели все. – Место, куда мы идем – не лагерь для временного размещения. Нам там жить, причем не год и даже не десять. Нашим потомкам там жить. О них и надо думать, и о стратегических преимуществах, а не о трудностях переезда. Кроме того, повторю – пока район практически свободен от жителей. Климатический катаклизм, падение температуры до минус семидесяти по Цельсию, привел к их гибели. Но чем меньше там выживших, тем меньше будет столкновений. Эти надо воспользоваться. Надеюсь, я ответил на ваш вопрос?

– Частично, товарищ майор, – не унимался наглый спорщик. – Раз уж мы заговорили о потомках… Поселения всегда возникали по берегам рек. Крупных рек. Это важно и для торговли, и для рыбной ловли. Может, лучше осесть где-нибудь поближе, на берегу Оби? Хотя бы в районе Бердска.

Демьянов давно ждал этого вопроса и возблагодарил небо. Он кивнул главному экологу, и тот начал свою партию, избавив его от необходимости разжевывать.

– А вот на это есть хороший ответ у нашего академика, – объявил он. – Тебе слово, Василий Петрович. Только давай попроще, не мудри.

С места в президиуме поднялся седовласый старик, один из самых пожилых обитателей Убежища. Несмотря на возраст, он был живчиком, и голос имел не дребезжащий и слабый, а сильный и уверенный.

– За прошедшие после атаки четыре месяца уровень остаточной радиоактивности на расстоянии в десять километров от эпицентра упал до неопасного для жизни взрослого человека. Подчеркну – взрослого. Детям и беременным женщинам я бы находиться наверху не рекомендовал. Но радиационный фон – не самое страшное. Исходя из современных данных, страшна не радиация, а доза облучения, которую она создает в организме, действуя в течение определенного времени. К радиации можно даже приспособиться. К примеру, постоянное облучение природным излучением ряда областей высокогорной Франции привело к адаптации человеческого организма, и население проживает там без вреда для себя и потомства при уровне естественного фона от 150 микрорентген в час и выше. Проживало… Гораздо опаснее химическое загрязнение. К нему приспособиться невозможно. А после ядерных ударов в воздух, почву и воду попало столько вредных веществ, сколько химическая промышленность России не сбросила бы за десять лет. Пойма Оби заражена настолько основательно, что до показателей, приемлемых по довоенным нормам, очистится только лет через 200. А образовавшиеся после разрушения плотины болота тоже не улучшат санитарные характеристики района. Наконец, новая экосистема может тоже быть для нас неблагоприятной. Когда исчезнет снежный покров, легко прогнозировать демографический взрыв у насекомых. Про миллион трупов я даже говорить не буду. Вы сами все понимаете. В Подгорном, куда мы переселимся, незараженные грунтовые воды, свободный от загрязнений воздух, а радиация представлена только естественным фоном. Это все, что я хотел вам сообщить.

Выступление было закончено. Демьянов обвел взглядом собравшихся. Все смотрели на него, недвусмысленно показывая, что окончательное решение за ним.

Мерзавец генерал, как же вовремя он умер. Теперь ни на кого нельзя это спихнуть, некем прикрыться.

«Ишь вы, какие хитрые. Легко вам говорить. Доверили мне свои жизни, будто я супермен. А вы вспомните, кто я такой. Меня подняло наверх чудо. Оно же заставило вас слушать меня, старого неудачника. Чем я лучше старлея Олега Колесникова, опера Петра Масленникова, доктора Вернера, академика Старицкого? Они в своих областях профи. А я лысый обрюзгший тихий алкоголик в тельняшке, без семьи, без карьеры… На хер. Чего сопли распустил, тряпка? Вы еще все у меня побегаете».

Он откашлялся и начал. Только без пафоса. Не надо его.

– Товарищи. Даже если бы мы очень хотели, мы не просидим тут всю жизнь. Можно подождать настоящего, пока сойдет снег. Но вместе с оттепелью придут паводки и наводнения. Мы измеряли толщину льда и снежного покрова. Данные анализа свидетельствуют: паводок будет страшный. Убежище, может, и не затопит, но Академгородок превратится в Венецию. И половина Новосибирска тоже. И Бердска. Хотите прыгать по лужам, да? – Демьянов сделал паузу и отхлебнул воды из пластикового стаканчика на столе. – Вы могли бы спросить, почему нельзя пересидеть там год-другой, а потом перебраться на место получше, в низине? – он обвел собравшихся взглядом и понял, что этот вопрос действительно вертелся у них на языке.

– Можно, конечно, и так, – продолжал Демьянов. – Можно. Но, увы, нельзя. Когда зима закончится и установится нормальный световой день, переселение будет невозможно. Зашевелятся банды, которые сейчас сидят тихо, вся нечисть повылазит, как тараканы из щелей. Надо успеть занять хорошее место, пока это не сделали другие. А на равнине наши дети заложат другие города.

* * *

Вот и подошел к концу срок их заключения. Они направлялись к главному выходу – туда, где виднелся тусклый свет зарождающегося дня. Раньше этот коридор казался ей бесконечным. Теперь Маша видела, насколько он короток. От свободы их отделяло всего пятьсот шагов. Но через что им пришлось пройти, чтобы преодолеть их…

Машинально переставляя ноги и видя перед собой только сплошную стену идущих впереди, Чернышева думала о том, что все, в сущности, относительно. Эти четыре месяцев показались вечностью. И в то же время пролетели как один миг. Они столько потеряли… но жизнь-то продолжается.

– Как настроение, камераден? – донесся до нее бодрый голос Богданова, шагавшего впереди. – Никто не дрейфит?

– Все путем, – бодро ответил кто-то из сурвайверов.

– Только жрать охота, – подхватил второй. – Скорей бы привал.

Смешки, но редкие. Есть действительно хочется. Выходили практически на голодный желудок.

Чернышева в очередной раз взглянула на Владимира – со своим ростом и светлой шевелюрой он был хорошо заметен в толпе. Этот необычный человек притягивал ее как магнит. В последние месяцы они довольно часто общались в ходе совместной работы, но Маша давно понимала, что ей хочется большего. С Иваном, ее прежним кавалером, они расстались неделю назад по взаимному согласию, без скандалов и обвинений. Когда единственное, что связывает людей, это общая боль, такие истории нередки. За эти месяцы многие из них сходились и расставались по многу раз.

Наверно, это инстинкт – выбирать из имеющихся самого сильного.

«Ну и что, – подумала она, улыбаясь сама себе, – пусть говорят, что хотят». Маша знала, что он, пропадавший целыми днями в рейдах, а в остальное время то в пункте управления, то еще где, был пока свободен. По крайней мере, для серьезных отношений. Так почему бы и нет? Тем более что он сам делал ей знаки внимания, хоть и очень неуклюже.

Остальные беженцы шли в основном, потупив взоры или глядя без выражения в спину идущим впереди. Они не могли похвастаться уверенностью в завтрашнем дне, да и в сегодняшнем тоже. Все, что у них было за душой – надежда на то, что небеса сжалятся и дадут им немного пожить. Не обязательно «по-человечески», а как угодно. Будь это сценка из американского фильма, их лица были бы одухотворенными и светились от радости. Но здесь ничего подобного: усталость и отупение смешались в равных долях. Еще был голод, а вот страха почти не было. После всего, что им довелось испытать, он как-то притупился.

«А ведь они правы. Мы же, блин, видели последний день Помпеи, – подумала Маша. – Мы видели такое, что не снилось Ванге, Нострадамусу и индейцам майя вместе взятым. Чего нам бояться?»

Где-то рядом в этой толпе шагала Настя. Та, что прошла через ад метро лишь для того, чтобы снова попасть под землю. Многие догадывались, откуда она взялась, но никто за эти неполных три месяца, что она провела здесь, не сказал ей ни слова. Анастасия прожила это время, общаясь только с парой человек, но никого это не удивляло, теперь это было скорее нормой, чем странностью. Иногда она вздрагивала во сне и просыпалась с криком. Но все же за проведенное здесь время ее раны начали зарубцовываться. Она не могла вспомнить, когда в последний раз ее посещала мысль о самоубийстве, но это точно было до катастрофы. Теперь ей, как и остальным, мучительно хотелось жить.

Трудно придумать терапию эффективнее, чем терапия Апокалипсисом. Когда-то она читала про оригинальный метод лечения депрессий, когда пациентов закапывали в землю на пару часов. Ноу-хау действовало как сильный электрошок. Похороненные заживо должны были избавиться от застарелых неврозов, груза навязчивых мыслей и страхов. Грубо говоря, стать другими людьми. Неизвестно, работала ли эта метода, но что-то подобное произошло с людьми в Убежище. Они обновились. И как бы сильно Настя ни отличалась от своих товарищей по несчастью, шагавших слева и справа от нее, в этот момент она чувствовала то же, что и они.

Правда, умом она понимала, что их ждут годы и десятилетия, полные невзгод лишений. Но ее это не пугало, ей было не привыкать.

«Прощай, Убежище», – мог сказать в этот момент каждый из них.

Они знали, что обязаны ему жизнью. Как шлюпка с затонувшего «Титаника», оно приняло на борт немногих, но, по воле случая, этими немногими оказались именно они. Каждой твари по паре: некоторые почти герои, другие именно твари в вульгарном значении слова. Но большинство – обычные люди, социальный срез, в котором – и узбекские гастарбайтеры, и члены академии наук. Это были не самые приятные четыре месяца, но они не прошли впустую. Они многому научились. Стали жестче, собранней, научились ценить кусок хлеба, крышу над головой и старый матрас. Стали видеть в соседе по комнате и коридору не неизбежное зло, а человека, от которого может зависеть твоя жизнь.

Это место было их домом недолго, но им уже трудно было представить жизнь за его пределами. Прошлое, где были плазменные телевизоры, пластиковые окна, кредитные «Форды» и поездки в Таиланд, скрылось под напластованиями новой реальности.

Но дом, из которого нельзя выйти, называется тюрьмой, а им пришла пора выбраться на свободу, где придется заново привыкать к небу над головой вместо закопченного потолка. И пусть пока оно было то темным, то серым, они знали, что это ненадолго, и их ждут первое утро и первая весна новой эры. Прощай, Убежище.

Таким был их исход, и в тот день все они, и верующие, и атеисты, и те, кто никогда не задумывался о вечном, просили судьбу, чтоб он не стал смертельным.

Детей и стариков погрузили в автобусы, где худо-бедно работало отопление, остальные без особых удобств разместились в кузовах грузовиков.

«Старики… – подумал Демьянов. – Они ведь все равно умрут». И испугался своей мысли. Сам-то уже скоро будет старпером.

Автобусов не хватало, к тому же грузовикам с хорошей проходимостью по бездорожью вроде «Уралов» и «Садко» они отдавали предпочтение. Пройдет еще пара лет, думал майор, и от дорог останется одно название, и тут дай бог поддерживать в норме асфальтовое покрытие хотя бы в пределах своего

городка.

В который раз Демьянов проходил вдоль колонны разномастного транспорта, согнанного в, лучше всего сохранившийся гараж автобазы. В углу опять намело кучу снега. Сорвало заплатку с пробитой неведомо как зашвырнутым железным обломком крыши, догадался майор. Бесполезно ставить заплату, только до следующего бурана. Хотя это был их последний буран, пережитый в этом городе… бывшем городе.

Через небольшую дыру в потолке проглядывало черное небо, несло холодной жутью, ветер свободно гулял по полупустому залу, завывая под жестяными козырьками.

И все-таки это было хорошее утро, и погода благоприятствовала их предприятию. Было всего минус двадцать по Цельсию, и Демьянов знал, что в середине дня будет еще теплее. И светлее. В полдень солнце может даже проглянуть через плотные облака бедным пятном.

Оставались считанные минуты. В каждом автобусе назначенные неделю назад старшие сверялись со списками, считая людей по головам и выкрикивая фамилии. Нескольких бойцов осторожный Демьянов послал пройтись по всем помещениям Убежища, проверить, не остался ли кто-нибудь, – мало ли, по какой причине. У бойцов были фонари – генераторы уже демонтировали и погрузили, и света в подземном укрытии не было.

В девять ноль-ноль караван должен был отправиться в путь. За пять минут до этого водители заняли свои места, и дружно зафырчали моторы.

Убежище было решено законсервировать. Слишком много они успели натаскать туда ценного, и не все было транспортабельно. Когда снег сойдет окончательно, можно будет забрать и это, а пока устроили в подземном переходе завал, а второй и запасной выходы тщательно замаскировали.

– Поехали! – крикнул майор, взглянув на часы. Он достал сигнальный пистолет и выстрелил. В темное небо взлетела светящаяся красная ракета. Через пару секунд надрывно заревела сирена – ее было слышно на всей территории автобазы. Опоздавших на этот рейс не должно было быть.

* * *

Колонна двигалась на северо-восток. Они покидали город. Позади остались четыре месяца, проведенных в тесном подземелье, и миллион погибших в огне и в снегу. Впереди была трудная дорога с неизвестным концом и маленький городок, затерянный в горах Салаира, который должен был стать их новой родиной.

Демьянов подозревал, что эту дорогу придется не только очищать от снега, но и зачищать от нечисти, которая воспользуется потеплением, чтобы попытать счастья в единственном деле, которое могло дать им хлеб насущный. К счастью, пока его опасения не оправдывались. Оставалось надеяться на сопровождение и на то, что никто не решится напасть на такую силу.

Вряд ли по дорогам в эти дни часто передвигалось столько машин и людей: шестьдесят пять единиц техники, из них две полноценных боевых – МТЛБ, развернувшие стволы пулеметов и АГС вправо и влево.

Серьезными были и силы прикрытия. Самые боеспособные были выделены в головное, тыловое охранение, а также в боковые дозоры. Они состояли из бойцов поредевшего гарнизона, выживальщиков, бывших силовиков и отставников, итого – почти две сотни. Им была придана одна «маталыга» и несколько бронеавтомобилей «Тигр». Эти бронемашины в количестве трех штук нашли совсем недавно затертыми в потоке транспорта за городом. Все они зорко следили за обстановкой на дороге. Также наготове и всегда с оружием под рукой находились сидящие в пулеметных «Уралах» ополченцы числом почти четыреста человек – из тех мужчин Убежища, кто служил в армии и худо-бедно умел стрелять. Вооружены они были похуже – милицейскими автоматами АКСУ[11 - АКСУ («укорот», «ксюха», «ублюдок») – короткоствольный автомат, калибр 5,45 мм.], винтовками и даже гладкоствольными ружьями. В сорока двух автобусах без особых удобств разместились четыре тысячи беженцев-нонкомбатантов. Сидеть им приходилось по очереди. Для того чтобы предоставить каждому сиденье, пришлось бы раздуть колонну до невозможного размера. Здесь же шли грузовики с припасами и продовольствием. Чтобы на узком участке дороги не оставлять центр колонны беззащитным, машины с грузом и автобусы чередовались с машинами ополченцев.

Сам Демьянов в «Полярном лисе» занял место практически в середине каравана. Вместе с оставшимся МТЛБ и несколькими джипами они составляли подвижный резерв.

Из-за частых преград на дороге колонна двигалась с черепашьей скоростью и растянулась почти на километр по шоссе, которое, к счастью, было почти всегда прямым как стрела.

Тринадцатитонный бульдозер сталкивал на обочину редкие автомобили и раскатывал завалы там, где на дорогу упали рекламные щиты и столбы. Идущие впереди гусеничные машины разравнивали дорогу, счищая снег почти до самого асфальта. Тащившимся следом «ЗИЛам», «Уралам», «Шишигам» и автобусам цепи на колеса были не очень-то нужны, они ехали по практически чистому шоссе.

Ехали с включенными фарами, со многих машин сопровождения светили еще и прожекторы, развернутые, как и пулеметы, в обе стороны от дороги. Их лучи освещали каждый подозрительный куст и овраг.

То и дело в небо взлетали сигнальные ракеты: красная – «общая остановка», зеленая – «продолжать движение». Радиосвязь была довольно устойчивой, но не все машины колонны были ей оборудованы, а над дорогой стояла какофония, в которой отдавать команды голосом было бесполезно. Кроме рева дизелей и рокота бензиновых моторов, тем, кто ехал в головной части, уши рвал постоянный лязг сминаемых и сталкиваемых с дороги автомобилей. Можно было, конечно, послать бульдозер и пробить дорогу заранее, но Демьянов не хотел привлекать внимание.

Пару раз, пока они еще двигались по территории Академгородка, к шумам движения добавились автоматные очереди – у кого-то из сидящих на броне бойцов не выдержали нервы, и пули прошили ни в чем не повинные сугробы. Но все живое и так исчезало при приближении гигантского табора моторизированных «цыган». Собаки, почуяв колонну за несколько километров, убегали, поджав хвосты, и провожали ее голодными глазами. Люди делали то же самое.

Они не проехали и пяти километров, когда охранение, выдвинувшееся далеко вперед, засекло помеху по ходу движения. Рация голосом Олега Колесникова сообщила неприятное известие: шоссе впереди перегорожено.

Через пять минут колонна встала.

Им и так постоянно приходилось объезжать заторы из брошенных гнить автомобилей, иногда вместе с телами владельцев внутри. Но если бы это была обычная пробка, командир передового дозора не стал бы его беспокоить. Движение тут, в субботу днем, было не очень интенсивным, поэтому серьезных тромбов из ржавеющего железа не возникло. Ничего такого, что не могли бы столкнуть с дороги броня МТЛБ или бульдозер.

– Олег, что у вас там? Пробка? – спросил Демьянов, вознося хвалу Попову и Маркони, а также небесным силам, прекратившим магнитные бури.

– Странная пробка. Машины очень плотно стоят. Сами бы они так в кучу не собрались. И вмятины характерные, как будто их сдвигали.

– Какое-нибудь подозрительное движение?

– Нет, тишь да гладь.

– Не нравится мне это, – поделился мнением Демьянов. – Вы там ухо востро держите. Уж больно на ловушку похоже.

– Обижаете, Сергей Борисович, – без всякой обиды в голосе произнес старший лейтенант, он же командир передового дозора. – Все вокруг прочесали. Никого, кроме пары старых жмуриков. Наверно, была засада, да вся вышла. Сейчас будем разбирать их «берлинскую стену».

Демьянов поморщился, представив, сколько вреда могли нанести эти гады, если б напали, пока колонна переходила по мосту Иню. А теперь все – пусть рискнут здоровьем. Больше на их пути водных преград не будет. Правда, в горах тоже придется быть осторожными.

Богданову майор доверил другую ответственную роль. Тому с его слаженной командой предстояло на снегоходах проверять опасные участки прямо во время движения.

Вряд ли кто-то, пребывая в здравом уме, рискнул бы напасть на такую силу в лоб. А вот с флангов… пересеченная местность не всегда позволяла снегоходам двигаться с одной скоростью с колонной. Да и недостаточно было снегоходов, чтоб контролировать фланги на всем протяжении – осмотру подвергались только опасные участки. Впрочем, каждую яму мобильные группы проверить не могли, а каждый дом, когда они въезжали в населенный пункт, и подавно. Там вполне могла затаиться какая-нибудь погань, готовая поймать в перекрестье прицела любой из грузовиков и автобусов с безоружными людьми.

Естественно, возмездие последовало бы быстро, но Демьянов полагал, что нельзя приписывать нормальную логику этому зверью. Такие смертники вполне могли найтись, поэтому дозорные и не расслаблялись ни на минуту, гоняя вдоль колонны туда и обратно.

Майор знал, какой прием их может ждать наверху. За четыре месяца жители главного научного центра Сибири превратились в диких обитателей Афганистана или Сомали.

Внезапно он ощутил легкий укол совести. Обвинитель нашелся… Сами-то хороши, закрылись в своем бункере.

«Пусть жрут друг друга. А нас оставят в покое».

То, что эти существа потеряли человеческий облик не до конца, усложняло задачу: пользоваться огнестрельным оружием и гранатами выродки не разучились и даже фугас на дороге могли организовать. В глазах любой разбойничьей ватаги такой огромный караван кажется лакомым кусочком, а от этого может и крышу снести. «Кто такие? Куда намылились? Чего везут?»

Как показывал недавний опыт, нападения можно было ожидать с любой стороны и в любой момент. Мародеры могли поджечь пару машин, даже понимая, что их сразу после этого отгонят.

Подумал майор и о возможности минирования – для такого случая впереди шел бульдозер «Кировец». Кабину прикрыли стальными листами. Если подорвется на фугасе, то потеряет только ковш. И даже при наезде на мину водитель, скорее всего, останется жив, а найти новый бульдозер нетрудно. С другой стороны, вряд ли можно ожидать таких саперных талантов от вышедших на большую дорогу селян. Разве что от дезертиров. Но дезертиры, как люди военные, никогда не нападут при таком раскладе. Это уж скорее у городского гопника, наигравшегося в Counterstrike, и раздобывшего у мертвого милиционера поганый «укорот», на такое ума хватит.

Когда останавливалась и глохла одна машина – а такое случалось несколько раз – тормозили и все остальные.

Во время коротких остановок никому не разрешалось выходить из машин. Для того чтобы покурить или справить естественные потребности, надо было ждать полноценного привала.

В свете прожектора на крыше «Лиса» промелькнул скособоченный дорожный знак, обозначающий конец населенного пункта «Новосибирск». Важная веха на их пути.

Шоссе начало делать плавный поворот, и Демьянов окинул взглядом казавшийся бесконечным поток – вереницу красных огней, похожую на факельное шествие.

«Чувствую себя русским Моисеем, – подумал он. – Веду, значится, своих людей из мрачного плена через безлюдные пустыни и непроходимые преграды к земле обетованной. Пророк во главе избранного народа, ха-ха. Как там у Луи Армстронга: „The Lord said: go down, Moses, way down in Egypt's land. Tell old Pharaoh to let my people go…“»[12 - Ступай, Моисей, в землю Египетскую. Вели фараону отпустить мой народ… (негритянский спиричуэл).]

Отпусти народ мой. Вряд ли можно было сказать точнее. Город погибели не смог их задержать, только клацнул зубами на прощание.

«Надеюсь, сорок лет скитаться не придется. А то одной булкой хлеба и рыбиной я эту ораву не накормлю… – подумал Демьянов. – Ой, пардон, это уже из другой оперы».

* * *

Они ехали в новую жизнь, но радости в их сердцах было мало – по обеим сторонам дороги тянулась бесконечная череда руин. Даже те дома, которые не пострадали от вспышки и ударной волны, за эти месяцы обветшали так, как будто прошли годы. Под тяжестью снега провалились крыши, ветром выбило окна, а кое-где и сорвало двери с петель. В одноэтажной застройке давно повалило заборы. А может, еще до того, как их повалило бы ветром, они пошли на дрова. Но люди пока не встречались.

Огромный автопоезд напоминал похоронную процессию – вроде той, когда прощаются с человеком, которого многие знали, но никто не любил. Не было ни слез, ни причитаний, только угрюмое молчание. Люди переговаривались вполголоса, так, будто шумный разговор был здесь недопустим. Некоторые, успев, несмотря на запрет, разжиться спиртным, уже успели принять на грудь, но даже им не было весело. Их смех звучал натянуто, а ухмылки, на мгновение озарявшие покрасневшие лица, стирались моментально – обычно после первого же взгляда в окно. Атмосфера вселенского кладбища действовала на всех, даже на сильных духом.

Ехать верхом на броне по ровной дороге на самом деле не трудно. И даже комфортно, когда нет особенно собачьего холода, – снизу от работающего двигателя поднимается теплый воздух, от примерзания предохраняет коврик и одежда из современных термоизолирующих материалов. Если бы не рев, можно было бы даже заснуть.

Практика последних войн показала, что мотопехоте безопаснее сидеть именно на броне, потому что в этом случае урон от обстрела будет меньше, чем от подрыва машины, когда люди внутри. Тогда она станет братской могилой. Но они делали так, прежде всего, чтоб увеличить сектор обзора.

Ближе к середине дня видимость стала лучше. Это уже была не ночь, а поздний вечер, сумерки. Караваев поймал себя на мысли, насколько привычной стала для него чернильная темнота двадцать четыре часа кряду.

– А вдоль дороги…мертвые с косами стоят, – пробормотал Антон, поворачивая прожектор в направлении большого здания. Это был автосалон «Ford». До него они проехали мимо центров «Chevrolet» и «Toyota».

Sic transit gloria mundi… Теперь в модерновых зданиях из бетона и стекла, которого давно уже не было в выбитых окнах, гулял ветер, а некоторые из непроданных машин так и ржавели в выставочных залах и на открытых стоянках, не нужные никому.

Ни души там не было. Караваев зевнул, прикрывая рот. Нет, если бы не боязнь упасть под траки, он бы точно заснул.

Откинулась крышка люка, оттуда высунулась голова Мельниченко – без шапки, внутри было жарко. Оказалось, по рации сообщили о маленьком ЧП – один из автобусов умудрился отклониться от расчищенной колеи и застрять в снегу. Вытолкать его сами пассажиры не могли – немудрено, это был большой автобус баварской фирмы «МАН».

Но МТЛБ мог запросто тянуть прицепы массой до шести с половиной тонн.

Вскоре они подъехали к месту происшествия. Пассажиров к тому времени уже ссадили, чтоб облегчить вытягивание бегемота из болота, и они толпились у обочины, опасливо поглядывая на темное поле. Несколько ополченцев нервно прохаживались со старыми автоматами АК-47. Точь-в-точь бараны под охраной сторожевых собак. Чтобы не слепить людей, он отвел прожектор в сторону.

Антон уже накинул буксировочный трос, когда увидел ее. Он и не знал, что она в этом автобусе. Когда всех распределяли по машинам, они потерялись, а отлучиться со своего поста он не мог, отчего на душе у него кошки скребли.

Он помахал ей рукой и прокричал ее имя, но в этот момент одновременно газанули «маталыга» и автобус, и все заглушил звук двух работающих на полных оборотах движков.

Девушка не услышала. Она смотрела вдаль. А потом водитель автобуса зачем-то погасил освещение в салоне.

Антон часто бывал в рейдах, и ему уже случалось такое видеть; Насте, вероятно, нет.

Это напоминало закат, хотя по часам был полдень. Казалось, на пыльное небо вылили ведро темной венозной крови, и теперь она медленно стекала вниз, скрываясь за линией горизонта. Далеко на западе багровое полотнище перерезали темные силуэты зданий, возвышаясь над стеной когда-то зеленых, а теперь черных и обугленных насаждений по обеим сторонам шоссе.

Он слышал, что все дело в том, что пыль в верхних слоях атмосферы преломляет солнечный свет. Но даже это зрелище не могло его отвлечь. Хотя у него было стопроцентное зрение, очертания ее лица на таком расстоянии только угадывались. Можно было разглядеть очки, которые он достал ей по ее просьбе. Они совершенно ее не портили. Вот она сняла их, чтобы протереть платочком – видимо, запотели. Он бы дорого дал, чтоб видеть ее глаза в этот момент.

Она была явно поглощена зрелищем или тем, что скрывалось за ним. Так может выглядеть путешественница, впервые попавшая в Париж или какую-нибудь другую туристическую Мекку.

Как и она, парень попал под притяжение этой картины, но лишь ненадолго.

Анастасия его не заметила, но он не обиделся. За эти недели они много времени проводили вместе, и все вокруг были уверены, что она принадлежит ему во всех смыслах. Он их не разубеждал. Вначале ему пришлось даже сломать пару носов и выбить несколько зубов тем, кто провожал ее слишком заинтересованными взглядами.

Естественно, он не ожидал, что сразу после спасения она кинется ему на шею. Это было ему не нужно. Это он и так мог получить от других. А от нее он добивался совсем другого. Он жалел только об одном – что они не могут быть рядом и смотреть из окна вместе.

Они освободили МАН из снежного плена, попутно вставив шоферу пистон за неумелое вождение. Затем пассажиры быстро набились обратно в теплый салон, автобус снова занял свое место в линии, и движение продолжилось.

МТЛБ вновь оказался там, где бульдозер, не теряя времени, пробивал дорогу сквозь очередной завал. Небо снова стало пепельно-серым, прекрасное видение исчезло.

Автобусный тур по преисподней продолжался.

* * *

Пригороды они проехали, даже не тормозя. Фон тут был небольшой, но могли быть живые, а это уже нежелательно.

Была и еще одна причина. Демьянову не хотелось подрывать моральный дух укрываемых. До этого большинство из них – те, что не участвовали в вылазках – никогда не видели мертвого города. Вот и пусть он останется для них смазанным пятном в свете фар и прожекторов. А для привала можно выбрать место за его чертой.

Здесь над каждым домом висела гнетущая аура. Люди с тревогой всматривались из автобусов в черные провалы окон. Их провожал только ветер. Он то шелестел полуистлевшими страницами журналов и газет, бумагами, вынесенными его порывом из офисного стола, то ронял с крыши лист шифера, который тут же с треском разлетался на тысячи осколков, то шуршал разорванными занавесками на безглазом окне, медленно, методично, налетая раз за разом, то стучал изо всех сил дверью, словно давая выход бессильной ярости нежити.

Ветер просыпался в тот момент, когда люди меньше всего были к этому готовы, и всегда заставал их врасплох, заставляя поежиться или вздрогнуть от испуга. В его действиях чудилась чья-то затаенная злая воля. Он словно издевался над ними.

Настю все это заставило вспомнить японские фильмы ужасов, в них, в отличие от голливудских и европейских, не было рек крови и гор расчлененных трупов. Вместо этого там царила душная атмосфера необъяснимого ужаса, который давил зрителя как петля. Мир без Бога и дьявола, без добра и зла, не подчиняющийся законам логики и непостижимый для разума.

Здесь перед уцелевшими тоже был кошмарный фильм, но бесполезно было щелкать пультом, кнопкой «вкл», тянуться выдернуть шнур из розетки. Даже если сделать это, ужас не исчезнет – он останется по другую сторону экрана, и там будет ждать своего часа, глядя сквозь темное стекло. Рано или поздно с ним придется встретиться.

Она уже встречалась с подобным – в метро. Вряд ли хоть кто-то понимал, насколько глубока была эта рана. Она никому про это не рассказывала, даже ему.

Когда они оставили позади последние дома областного центра, на лицах у всех отобразилось облегчение.

– Что-то вы скисли, товарищи, – прозвучал голос старшего по автобусу.

Это был один из параноиков. В недавнем бою ему прострелили ногу, и он временно стал небоеспособным.

– Шеф, ты не против? – хлопнул он по плечу водителя.

Тот пожал плечами: давай, мол. Сурвайвер достал из кармана куртки диск и поставил его в магнитолу. Нажал на кнопку, и из динамиков полились песни ушедших лет. Это была хорошая подборка. Не попса, но и не альтернатива, просто русские песни, задушевные и честные; про поля и березы, про войну и про мирную жизнь, про дружбу и нормальные человеческие чувства. И хотя они знали, что те, кто их пел, мертвы, если только им не повезло так же, как им самим, от этой музыки на душе у беглецов стало легче и спокойнее. А вскоре они уже начали засыпать, убаюкиваемые словами и музыкой из другой эпохи и укачиваемые ровным течением дороги. Постурбанистический пейзаж наконец закончился, и потянулась серая и сирая Западносибирская равнина, где ничто не напоминало о том, что произошло четыре месяца назад. Она была такая же, как и год назад, будто стояла обычная зима, а не ядерная.

Но Настя всего этого не видела, погрузившись в полузабытье. Лишь перед тем, как отключиться от реальности, она еще раз встретилась с ним глазами, но это был уже сон.

* * *

Привал было решено сделать в поселке Карпысак. С ее жителями заранее провели разъяснительную работу. Майор не хотел доводить дело до геноцида – жители выглядели довольно безобидными.

Отчасти припугнули, отчасти умаслили. Топливо, алкоголь и патроны были такой же валютой, как еда, которая ни при каких обстоятельствах не предназначалась для бартера.

Местные не были против и даже баньку к приезду обещали растопить. И все же Демьянов не доверял этим людям с их заискивающими взглядами, поэтому беженцам было строго-настрого наказано не расходиться и с деревенскими не общаться. Ночевать решили в транспорте, заняв лишь несколько пустующих домов и разбив модульные палатки для служб и руководства, а на ночь выставили удвоенные караулы.

Община была невелика. Хотя по нынешним временам, не так уж мала. В селе Карпысак обитало около ста пятидесяти коренных селян и пять десятков бывших горожан. В основном туристы, застигнутые здесь катастрофой.

Им еще повезло. Неподалеку находился довольно крупный животноводческий комплекс, захваченный кольцом лесных пожаров. Запеченной говядиной из коровника деревня кормилась почти месяц. Увы, тогда они не знали, насколько серьезен катаклизм и не озаботились созданием запасов. Уже в первом месяце им пришлось отбивать атаки соседей, которым повезло меньше. К счастью, косить от армии тут было не принято, и вышло так, что пятеро местных пацанов служили рядом, в Юргинской бригаде. После первых залпов Армагеддона они ушли в самоволку, благополучно добрались до родного села из соседней области. Поэтому теперь у деревни, помимо охотничьих ружей, было в распоряжении пять автоматов. Правда, патронов к ним, как выяснил из разговоров майор, оставалось не больше, чем по магазину на каждый.

А еще повезло селянам, что основные миграционные потоки до них не дошли. Но как жить дальше, никто не знал: с каждым днем охота приносила все меньше, и будущее виделось в черном свете.

Демьянов ничего конкретного им не пообещал и тем более не мог взять их с собой, поставить на довольство. Единственное, чем майор обнадежил селян, так это предложением вместе обороняться и обмениваться информацией. Ну, и готовностью поделиться излишками после первого урожая. Естественно, не за спасибо.

Но до того времени, а это судя по самым радужным прогнозам – минимум полгода, им предстояло выкручиваться самим.

Глава 5. Город на холме

Ночь накрыла их своим черным покрывалом внезапно. Большинство из тех, кто все эти месяцы не поднимались на поверхность, настолько отвыкли от нормальной смены темного и светлого времен суток, что сперва стушевались. Но это была обычная ночь, и все знали, что она пройдет.

К тому же, мало кто в эту ночь был один. Большинство давно разбились на пары. Почти все люди детородного возраста в Убежище успели перезнакомиться и сойтись поближе. ЗАГСов не существовало, но Демьянов распорядился регистрировать каждый новообразованный союз, если только отношения были серьезными настолько, что партнеры желали проживать вместе. В Убежище для них переоборудовали целую секцию. Таких набралось человек шестьсот. Демьянов прекрасно понимал значение «ячейки общества» для их будущего; тем более что некоторые из этих людей не просто сожительствовали, а ждали прибавления.

Демьянов догадывался, что взрыв бомб приведет в их коллективе к взрыву демографическому, но такого не ожидал даже он. Хотя чем еще заниматься людям, мало кто из которых старше тридцати, в темном холодном подвале, где нет ни телевидения, ни Интернета? Ясно, что у многих это было незапланировано, но они, судя по разговорам, пошли на этот шаг сознательно.

Забавно. В лоне цивилизации они жаловались на недостаток времени и денег, не хотели обременять себя грузом, который-де будет мешать карьере. Мы, мол, хотим пожить для себя. Самым частым оправданием было «отсутствие стабильности».

И вот теперь, лишившись всего, они начали размножаться как инфузории. Будто экстремальная ситуация запустила биологическую программу: вместо миллионов погибших родить миллион новых. Наверно, этот компенсаторный механизм заложен в каждой популяции – крысиной, собачьей, человеческой. Последней потребуется чуть больше времени, только и всего.

* * *

Едва дождавшись разрешения покинуть автобус, Настя буквально спрыгнула с подножки на расчищенный от снега асфальт. В битком набитом салоне она всю дорогу остро ощущала свое одиночество. До боли в сердце хотелось скорее его увидеть.

Уже стемнело. В сумерках она и без того неважно видела, но в последнее время стала еще досаждать «куриная слепота». Машин приятель, бородатый офтальмолог, «глазнюк», как он себя сам называл, внимательно осмотрев ее глаза, вынес вердикт: «Нехватка витамина А». Оказывается, это было у многих. Вот и сейчас налетев на кого-то, Настя вспомнила его слова.

– Осторожнее, – буркнула фигура. Настя пригляделась и разглядела Ольгу. В убежище они жили в соседних комнатах, иногда перекидывались парой слов, но особо не приятельствовали.

– «Ой, Настя, – остановилась та, – А я тебя и не разглядела сразу. Мы в следующем автобусе за вами ехали. Представляешь…»

«Оль, прости, я тороплюсь очень», – оборвала ее Настя.

«И куда, интересно?» – ехидно заулыбалась Ольга.

«Антона Караваева ищу. А ты случайно не видела, где их машина остановилась?»

«Конечно, видела, – Ольга уже не скрывала смешков. – Вниз, под горку иди. Где большой прожектор. Площадку они расчищают от снега. Нравится тебе Антон? Ну, понимаю. Не тебе одной».

Настя хотела тогда сказать стервозной сучке, что отрежет ей язык и скормит крысам, но вокруг было слишком много людей. Поэтому пришлось сделать вид, что пропустила колкость мимо ушей. Однако дышать стало трудно, а в груди закололо.

А вот и они. Не дойдя нескольких метров до уже закончивших кидать снег мужчин, Настя остановилась. Нашла его глазами. Караваев как раз воткнул лопату в снег и повернулся. Улыбнулся и помахал ей рукой, чтобы она подождала его. На сердце у нее сразу потеплело.

На самом деле, Антон дважды вытаскивал ее с того света. Уже в Убежище от пережитого ужаса, от резкой смены обстановки, Настя впала в состояние апатии. После недель, проведенных один на один с психически больным человеком, попав в переполненное людьми пространство, она почувствовала не подъем, а спад.

В первый день она никак не могла заставить себя есть. Когда в столовой при медпункте перед ней поставили тарелку с похлебкой, перед глазами моментально встало лицо с окровавленными губами. Ей даже казалось, что она слышит знакомый голос: «Съешь кусочек, любимая».

Хотелось накрыться одеялом с головой и сидеть, закрыв глаза и зажав руками уши, надеясь, что кошмар рассеется. Чудом справившись с собой, она вежливо отказалась.

А на следующее утро Настя поднялась с кровати с трудом и тут же села. Кружилась голова.

Вечером ее навестил Антон. Перед этим он о чем-то пару минут разговаривал в коридоре с Машей. Когда он зашел, Настя сидела, обхватив руками колени, сжавшись в комочек.

«Поесть тебе принес. Ты кушай, а я рядом посижу», – строго произнес поисковик, внимательно глядя на нее. От него наверно не ускользнуло, что, увидев тарелку, она поморщилась.

С вымученной улыбкой Настя произнесла: «Не хочу пока».

«А мне все равно, чего ты там не хочешь. Ешь, а то на голову вылью. Побежишь отмываться».

Девушка замолчала и уставилась на него округлившимися глазами.

«Не веришь? А зря. Я на всю голову отмороженный, хоть у кого спроси».

Настя еще с минуту помолчала, а потом рассмеялась и взяла ложку. Ела она медленно, и все это время он занимал ее разговором о всякой довоенной чепухе.

Уже доедая суп, она все-таки спросила:

«А правда мог вылить?»

«Ты что. Конечно, нет, – ответил парень, посмотрев на нее с нежностью. – Кормил бы тебя сам. Ты давай, отдыхай».

Он вышел, а через пару минут вернулся. Принес еще каши, хлеба и сушеных фруктов, а вдобавок ко всему бесшерстного кота породы сфинкс.

– Вот тебе свинкс. Не смотри, что лысый, зато блох нету. Одолжил у Маши ее любимца.

Тогда он умолчал, что кот, чудом избежавший котла, был не только для психологической разгрузки. Каким-то чутьем Антон догадался, что мышей и крыс ей видеть необязательно. А они, наученные горьким опытом, уже не появлялись там, где дежурило умное животное.

«Свинкс» свернулся у Насти в ногах и начал вылизывать свои голые бока. А когда он посмотрел на нее, в его глазах было больше ума и понимания, чем у некоторых людей. Казалось, он мог бы много рассказать. Тогда девушка не знала, что кот был ее товарищем по несчастью. Его тоже спасли с поверхности.

* * *

Даже без чрезвычайных происшествий у Чернышевой, как и других врачей, была масса работы.

Так долго их несбыточной мечтой было увидеть солнце, а теперь оказалось, что его свет может принести с собой новые напасти. И хотя в первый день оно выглянуло от силы на пару час, под вечер начали поступать жалобы на резь в глазах.

Специалиста-офтальмолога в Убежище не было, но, собравшись на консилиум, врачи пришли к выводу, что имеют дело с ожогами роговицы. Споры были только по поводу причин. Возможно, глаза укрываемых даже за этот короткий срок успели отвыкнуть от естественного света. Но еще более правдоподобным казалось, что конфигурация пылевых облаков была такой, что глаз не успевал адаптироваться к солнечному свету, как при наблюдении затмения.

Причина могла быть и в солнечном ультрафиолете. Озоновая дыра вполне могла стать из страшилок реальностью, раз в атмосферу попало столько летучих продуктов сгорания. Если это так, опасность угрожала не только глазам, но и открытым участкам кожи. Все это следовало иметь в виду при устройстве жизни в городе, ведь окончательно рассеяться пепел мог только через многие месяцы. С этого дня всем были розданы солнечные очки, а разведчикам предписывалось носить их в обязательном порядке. К счастью, найти это добро в киосках и торговых павильонах проблемы не составило.

Встречались недуги и попривычнее: недомогания, вызванные резким перепадом атмосферного давления, расстройства желудка и несколько обморожений. Больше всего проблем было с детьми и пожилыми.

А у четырех человек обнаружились и более тревожные симптомы, похожие на легкую степень лучевой болезни. И это притом, что питьевую воду они везли с собой – в трех автоцистернах с термоизоляцией, которые были в составе колонны. Остальные предназначались для бензина и дизельного топлива.

В городе, как слышала Маша, они будут полагаться на подземные источники и колодцы, замеры радиоактивности в которых уже сделали разведчики.

Ее смена закончилась в половине двенадцатого ночи. Выходя из жарко натопленной палатки походного медпункта, она накинула теплую куртку. Устала страшно, но от приятных мыслей усталость снимало как рукой.

Девушка прошла по спящему лагерю вдоль рядов темных грузовиков и автобусов, не встретив никого. Народ уже отправился на боковую, а хождения в темноте не приветствовались. Светились в темноте только костры часовых по периметру и фонарики патрулей. Лагерь охраняло человек сорок.

Откуда-то слева донеслось тихое ржание. Чернышева узнала их ковчег на колесах еще до того, как разглядела в свете костра его очертания – в воздухе висел слабый запах скотного двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Weaponer – офицер, ответственный за оружие массового поражения на АПЛ США.

2

«Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано ему было жечь людей огнем». (Откровение Св. Иоанна Богослова, 15:8)

3

Что мы сделали?

4

Что будет с нами?

5

РПК – Ручной пулемет Калашникова, калибр 7.62 мм., по сравнению с АК-47 и АКМ позволяет вести более интенсивную стрельбу, возможно питание от магазинов повышенной емкости на 40 патронов и из барабанных магазинов (75 патронов)

6

«Корд» – российский крупнокалиберный пулемёт с ленточным питанием под патрон 12,7 ? 108 мм. По сравнению с «Утесом» имеет большую точность стрельбы и меньший вес.

7

«Утес» (НСВ-12,7 «Утес») – крупнокалиберный пулемет советского производства, калибр 12,7 мм.

8

СВД – снайперская винтовка Драгунова, советского и российского производства, под патрон 7,62 ? 54 мм.

9

МТЛБ (Многоцелевой тягач легкий бронированный) – советский плавающий бронетранспортёр. Предназначен для буксировки прицепов, перевозок людей и грузов, а также для монтажа различного оборудования. Противопульная броня. Существует множество модификации, от инженерной машины до артиллерийского радара-локатора.

10

АГС-30 – автоматический станковый гранатомет, калибр 30 мм.

11

АКСУ («укорот», «ксюха», «ублюдок») – короткоствольный автомат, калибр 5,45 мм.

12

Ступай, Моисей, в землю Египетскую. Вели фараону отпустить мой народ… (негритянский спиричуэл).

Купить: https://tellnovel.com/ru/doronin_aleksey/utro-novoy-ery

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить